

Артур Самари

Девочка
из пустыни

Артур Самари
Девочка из пустыни

«Издательские решения»

Самари А.

Девочка из пустыни / А. Самари — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745164-6

Что может быть ужаснее для матери, чем потеря десятилетней дочки в бескрайних песках Кара-кума? Затем долгие годы поиска. Это случилось в 1932 году с Надеждой Гориной — дочерью известного московского профессора. Когда ее остальные дети выросли, они помогли своей матери взглянуть на эту трагедию иначе.

ISBN 978-5-44-745164-6

© Самари А.
© Издательские решения

Содержание

Домой	6
Поезд остановился	12
Поиски	16
Кизляр	26
Кочевники	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Девочка из пустыни

Артур Самари

© Артур Самари, 2018

ISBN 978-5-4474-5164-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Домой

Эта удивительная история началась в 1933 году.

Уже третий день пассажирский поезд двигался по Средней Азии в сторону зии в напра направлении далекой Москвы. Дорога тянулась по бесконечной степи, и казалось, ей не будет конца.

Главный инженер механического завода Семен Розенталь в этот летний день возвращался домой вместе с женой и десятилетней дочкой. Они сидели в купе напротив своих спутников, уткнувшись в свои книги.

Около месяца Семен гостил в Самарканде у родного брата, который руководил там строительством консервного завода. А прибыл он туда из Ленинграда около года назад. Древний город привел его в восторг, и брат стал звать Семена в гости: «Вы с Надей должны непременно увидеть эту жемчужину Востока». Так в своих письмах он называл этот город, описывая его величественные памятники. Он уверял Семена: чтобы ощутить прелесть Самарканда, следует все увидеть своими глазами. «Особенно меня поразила красота Гур-эмира – усыпальницы правителя Тимура, который в XIV веке завоевал почти всю Азию и Индию, – писал брат. – Здесь мечети высотой более сорока метров, хотя сильно разрушены, но все же не потеряли своего величия. Из рассказа брата складывалось впечатление, что там и поныне народ живет в средневековье, хотя под решительным влиянием социалистических идей и русской интеллигенции рождается новая жизнь. Но большая часть писем касалась истории и культуры этого края: это царь Кир, Македонский, пророк Заратуштра. Эти рассказы так увлекли Семена, и особенно его жену Надю, историка средних веков Европы, что супруги решили отправиться в путешествие в этом же году, несмотря на тяжелую жизнь в стране. Их ждал таинственный край с загадками, приключениями.

Семен жил в Москве с родителями жены – это старые интеллигенты Горины. В самом начале родители Нади сочли такую поездку неразумной и опасной: центральные газеты иногда писали о положении в Средней Азии, что там еще бродят остатки разбитых банд басмачей, мешая строительству социалистического Туркестана. Они нападают на села, убивают активистов. Но письма из Самарканда немного успокоили стариков. Брат Семена сообщил, что во всем крае прочно установилась Советская власть. И хотя небольшие банды еще скрываются в горах, но к городам и крупным селам уже не приближаются. А в остальном происходят небывалые изменения: строятся фабрики, открываются школы и даже – университет. Одним словом, жизнь пробуждается, и детей из бедных семей сажают за парты, а женщин заставляют сжигать паранджи прямо на площади Регистан. «К великому сожалению, из-за этого, – писал брат, – некоторые фанатичные мужья убивают своих жен, дочерей и сестер. Такова плата за прогресс».

Молодые супруги Розенталь целый год готовились к поездке и копили деньги. Даже продали ковер и золотую цепочку. На этом настояла сама Надя, хотя непросто было решиться на такое: все-таки это подарок ее отца. Уже после этого дочь подошла к отцу, сидевшему за письменным столом, обняла за шею и сообщила о продаже цепочки. Узнав об этом, профессор Горин – семидесятилетний ученый-историк с длинной белой бородой – совсем не обиделся. Напротив, похвалил дочь со словами: «Настоящее золото – это знания, культура, и я весьма доволен твоим поступком». Затем старик нежно провел по ее гладкой прическе. Наде стало жаль отца, и она прижалась к его бородатой щеке. Сейчас известный ученый оказался не у дел, потому что его «небольшевистские» взгляды не устраивали руководителей Московской городской партии. По этой причине его лишили возможности заведовать кафедрой, а после и вовсе запретили преподавать студентам. Так крупного ученого определили в университетскую библиотеку рядовым сотрудником. Сама Надя работала там же.

Прежде чем отправиться в столь длительное путешествие, Семену и Наде нужно было пристроить своих детей. Всех троих оставить на попечении старых родителей не хотелось, как-то совестно было. Тем более в последние годы у Надиной мамы болели ноги и она выходила из дому редко. Однако на семейном совете старые родители заверили, что как-нибудь управятся с любимыми внуками. «Да и не такие они маленькие», – добавил профессор. Самой старшей – Леночке уже исполнилось десять. Она считала себя взрослой и старалась читать серьезные книжки, а также помогала маме. Училась Леночка в четвертом классе и всем говорила, что станет детским врачом и отправиться в Африку лечить бедных, умирающих детишек, фотографии которых она как-то увидела в газете «Правда». Вторым ребенком была Валечка, в этом году она пойдет в первый класс. И самым младшим и, разумеется, любимцем являлся пятилетний Петя.

Семен сожалел, что в Москве у него нет родни, у которой он мог бы оставить детей. Его мать с младшей сестрой жила на Украине, а отца убили в шестнадцатом, во время еврейского погрома. Спасая семью, с топором он вышел навстречу толпе.

Дети же, узнав о поездке родителей в Самарканд, стали приставать, чтобы их взяли собой. Однако на семейном совете было решено: все дети остаются дома. Как и следовало ожидать, малыши захныкали, но строгий взор бабушки успокоил их. И все же накануне отъезда Надя решила взять собой старшую, сказав следующее:

– Леночка уже большая, учится на отлично, много книжек прочла, в том числе персидские и арабские сказки. Ей будет там интересно.

Муж согласился, и Леночка закричала от радости и начала бегать по комнатам.

Этот день Надя запомнит на всю жизнь и до конца своих дней будет проклинать себя...

Древний Самарканд восхитил гостей. Целыми днями они бродили среди величественных, хотя уже обветшалых минаретов с потрескавшимися стенами, куполами и отвалившейся глазурью, которая валялась под ногами. Затем гуляли по пестрому средневековому базару: вокруг обилие редких фруктов, восточных сладостей, которые оказались не столь вкусными, как их описывают в сказках Шахерезады. В шумной толпе семья Розенталь держалась за руки, а вокруг люди в длинных халатах, тюрбанах и парандже. И прежде чем вернуться в русскую часть города, где жил брат Семена, туристы плутали по узеньким улочкам старого Самарканда среди глинобитных домов.

К вечеру московские гости возвращались в общий двор как всегда счастливые. А после ужина за круглым столом при керосиновой лампе взрослые вели свои оживленные беседы. Лене же их разговоры были не всегда интересны и она со свечей уединялась в дядиной комнате. Там, на столике, лежала ее толстая тетрадь с карандашом. И увлеченная ученица записывала туда обо всем увиденном. А в дальнейшем Леночка мечтала написать для друзей детскую книжку о своем путешествии.

И вот теперь супруги Розенталь ехали обратно в Москву. Им хотелось поскорее очутиться дома среди родных деток, по которым соскучились. Синий поезд, выпуская клубы черного дыма, двигался между редкими станциями. Возле этих добротных домиков, построенных из жженого кирпича еще в царское время, собирались местные люди. У многих мужчин за плечами – мешки или хурджумы, набитые товаром для продажи в городах. Одни заходили в поезда, другие покидали общие вагоны, вечно набитые народом.

Уже остались позади синие горы, мутные воды Амударьи. Давно исчезли глинобитные кишлаки, а с ними раздетые голодные дети с протянутыми руками и женщины в паранджах, и хмурые старики в совсем выцветших халатах. Однако ближе к пустыни станции уже не встречались.

Теперь поезд двигался среди желтых барханов, куда ни глянь – пески, пески. Казалось, будто сам воздух застыл от жары.

– Здесь так жарко, что даже дышать тяжело! – возмутилась женщина старше сорока, сидя в купе напротив семьи Розенталь. – Не пойму, как люди могут жить в таких диких условиях!

Женщина вытерла мокрое лицо и бросила полотенце на колени рядом сидящего мужа, который махал газетой у лица. А между тем молодые супруги, отложив свои книги, устали в окно, где барханы сменяли свои рисунки.

– А разве в пустыне живут люди? – удивилась Лена.

На детский вопрос ответил муж той женщины. Николай Владимирович был невысок, с закрученными черными усиками и бородкой, педагог.

– Хотя за пять часов мы не встретили ни одной души, но поверьте, здесь обитают казахи и туркмены. Они разводят овец и кочуют со своими стадами по пескам, а живут в юртах.

– Жалко их. А почему они живут здесь.

– Должно быть, у них мало поливной земли. Чего стоит земля без воды.

Однако Надя видела причину в другом:

– Если люди веками обитают в какой-то местности, скажем в пустыне, то они приспособиваются к этим условиям настолько, что не могут жить иначе. То есть природная среда создает свой образ жизни, свои обычаи, свои привычки. Это стало их смыслом жизни, и отказаться от него не так просто. Нужно время, ведь им придется менять смысл жизни.

– По-твоему, культура людей – это просто привычки, которые нам привили с детства? – сделал задумчивое лицо загорелый худощавый Семен.

– Именно так, и отказаться от любой привычки дело весьма трудное. Особенно для простых, малообразованных людей. К примеру, некоторые народности сами признаются, что в их культуре есть глупые, вредные обычаи, которые мешают жить, но отказаться от них они не могут: очень сложно побороть укоренившиеся привычки, которые стали смыслом жизни. Обычаи – это наши привычки. Таково мое мнение, мнение историка.

– Забавная мысль. Значит, люди живут в этой пустыне в силу привычки? – заключил Николай Владимирович и был не согласен, как и Семен.

Взрослые были увлечены беседой, а Леночка скучала. Она сидела между родителями с хмурым лицом, пока обиженно не проговорила:

– Мама, я ничего не поняла!

Все рассмеялись. Голубоглазая, коротко стриженная Надя прижала к себе дочь, сказав, что когда она станет старше, то поймет. Леночка все же осталась недовольной, потому что не считала себя маленькой.

Взрослые продолжили свой разговор, и Семен сказал:

– Я заметил, что мы считаем этих кочевников несчастными людьми и питаем к ним жалость. А может, они сами не считают себя таковыми? Может, они счастливы, однако по-своему? Ко всему же в кочевой жизни немало романтики. Я был бы не прочь пожить с ними в пустыне. Хочется испытать себя, познать новую жизнь – жизнь средневекового человека. Понять их мысли, чувства, и для этого нужно побывать в их «шкуре». Леночка, ты хотела бы принять участие в такой экспедиции?

До конца своих дней Семен будет вспоминать этот разговор и проклинать себя за эти слова даже в тюрьме.

От радости глаза дочки загорелись. Она соскочила с места, вытянулась по стойке «смирно», как солдат, и отдала честь, вскрикнув: «Товарищ командир, я готова к походу и жду вашего приказа». Легкую смуглость лица и карие глаза Леночка унаследовала от отца, а в остальном походила на мать: такие же каштановые волосы, маленький носик.

Все улыбнулись, кроме жены Николая Владимировича.

Когда Семен говорил об этом походе, то его глаза сияли, как у юноши, и он не сомневался, что такие взгляды близки не только его Наде, но и этим милым попутчикам, все-таки они интеллигенты. Николай Владимирович и его супруга были работниками Министерства

просвещения и с полгода провели в Ташкенте, а теперь возвращались в Москву. Семен ехал с этими людьми уже вторые сутки, и они успели хорошо познакомиться. Правда, жена Николая Владимировича оказалась не столь общительной, или, проще говоря, этой женщине не всегда нравились заумные разговоры молодых супругов и ее мужа.

– Семен Иосифович, не пойму я вас. Вроде вы серьезный человек, главный инженер завода, а рассуждаете точно мальчишка. Странные у вас мечты – путешествовать по пустыне. Какое от этого может быть удовольствие? Особенно сейчас, когда жизнь в стране и без того тяжелая. Не пойму, какая романтика может быть в этих песках? Видимо, вам скучно. Чудак же ваш муж, Надя!

Молодые супруги весело обменялись взглядами. Тогда Надя заступилась за мужа:

– Мне нравится философия Семена: может быть, по этой причине я полюбила его. Он любознательный человек, мечтатель, хотя порой я сдерживаю его, напоминая о семье. Правда, с его должностью времени на культурные развлечения почти не осталось.

Такое признание Нади тронуло Николая Владимировича, и педагог не мог не высказаться.

– Как прекрасно, когда супруги понимают друг друга. Тогда и семейная жизнь становится интересной, а в доме любовь и согласие. Все-таки основа семьи – это духовная общность супругов.

В его словах сквозила грусть, и всем стало ясно: в его личной жизни не хватает взаимопонимания. Это супруги заметили еще в первый день знакомства, и им стало жаль его, захотелось как-то утешить, но при Евдокии Матвеевне это было невозможно. Эти супруги имели различия во всем: в мыслях, в поведении. Николай Владимирович был художав, весьма учтив, с широким кругозором. Евдокия Матвеевна, напротив, слегка полноватая, с красивым лицом, знания ее были очень поверхностны, то есть, к примеру, она знала, кто такой Достоевский, и даже читала «Преступление и наказание», но сути романа так и не поняла. Для нее это было неважно. Ей хватало сюжета, чтоб в обществе культурных людей не выглядеть «деревенщиной».

И тут Евдокия Матвеевна произнесла:

– Здесь совсем душно. Выйду в коридор, может, там есть ветерок.

– Мама, можно и мне пойти, а то скучно? – и Лена взяла с собой узбекскую самодельную куклу, которую ей купили на самаркандском базаре у старушки-мастерицы.

Надя чувствовала, что Николаю Владимировичу хочется высказаться до конца, и сама попросила рассказать о том, каким образом он познакомился с женой.

– Должно быть, вас изумило, как мы, два несхожих человека, оказались супругами? Об этом расскажу с удовольствием: приятно будет вспомнить молодость и романтическую историю нашей любви.

Лицо попутчика оживилось, хотя в глазах была грусть:

– В 1902 году я окончил Московский университет и одержимый идеей служить простому народу уехал работать в одну из деревень Тверской губернии. Разумеется, мои родители не одобрили такой выбор, но переубедить сына не смогли. Они, обедневшие дворяне, считали такую работу недостойной для нашей фамилии, хотя от нее осталось лишь пыль времен. А ведь они жаждали увидеть единственного сына каким-нибудь важным чиновником, даже министром. Однако я был непреклонен, и родители отступили, хотя не сомневались, что через год сам сбегу из этой глухомани. Почти так и случилось.

В деревне меня встретили хорошо, и я весь ушел в работу. Я получал радость, видя, как дети бедняков умнеют на глазах. Даже после уроков стал задерживаться в школе. Как обычно, я занимался с отстающими учениками, проверял тетрадки и готовился к следующему уроку. В этой школе работала молоденькая уборщица по имени Евдокия. Обычно она приходила мыть полы после занятий. Иногда в пустой школе мы оказывались одни. Евдокия была общительная,

и мы частенько беседовали с ней на разные темы. Я рассказывал ей об истории российских царей, чтобы просветить малообразованную девушку, а она рассказывала мне о деревенской жизни. Так мы сдружились, и я стал помогать ей – носить ведра из колодца, особенно в морозные дни.

Тогда ей шел восемнадцатый год. Ее простота и открытость тронули меня, ко всему же она была красивой, и деревенские парни давно поглядывали на нее. Однако Дуня знала себе цену и не подпускала их к себе. Это злило их. И вот однажды по деревне пошел слух, что, мол, Евдокия и молодой учитель занимаются в школе непристойными делами. И очень скоро разразился гром. Как сейчас помню, это случилось перед Пасхой. Евдокия вымыла полы, и я читал ей рассказ Мопассана, сидя рядом. Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге явился ее отец. Это был мужик лет сорока, обросший, изрядно пьян, с красными глазами, лицо злое. Шатаясь, в грязных сапогах он подошел к нам. Мы медленно встали, а пьяный мужик забормотал: «Значит, вы тут вдвоем, одни. Выходит, люди болтают правду». Не успел я и рта открыть, как получил сильный удар в грудь. Я отлетел и ударился спиной об стенку. Когда мужик двинулся на меня с кулаками, испуганная Евдокия завизжала: «Папенька, не бейте учителя: он из дворян, у него важная родня в полиции, они сошлют вас на каторгу». Видимо, дочь знала слабости отца, и мужик остановился. Словом, кончилось тем, что ее отец объявил дочери: «Отныне тебе нет места в нашем доме». В слезах девушка кинулась за отцом – тот выругался матом и сильно хлопнул дверью.

Евдокия вернулась за парту и заплакала еще сильнее: «Куды мне тепереча идти?» Я чувствовал себя виноватым и не мог бросить ее в беде. Тогда предложил ей пожить у меня, пока что-нибудь не придумаем. Об этом она и слышать не хотела. Я долго уговаривал ее, а затем взял ее за руку и повел за собой. На школьном дворе было уже темно, и мы зашагали по полям, задними дворами, чтобы нас никто не заметил. К тому времени я успел полюбить ее и в душе ликовал. К счастью, я жил у одинокой старушки, которую мало занимали деревенские сплетни. Она была довольна, ведь теперь я стану платить за двоих. И старуха взяла Евдокию в свою комнату. Однако я успокоился рано. На другое утро уже вся деревня шепталась о нашем «сожителстве». Придя в школу, я сразу заметил, как мои коллеги уже остыли ко мне. И стало ясно: здесь я долго не задержусь. Но тяжелее всего пришлось Евдокии: она начала избегать сельчан, которые глядели на нее косо, словно на развратную девицу. Чтобы хоть как-то защитить ее, мы стали вместе ходить в школу и таким же путем возвращались, на виду баб и мужиков, сидевшие на лавочках возле своих изб. Уже дома мы могли легко вздохнуть. Нам не было скучно. Вечерами мы были заняты просвещением. Дело в том, что последние годы Евдокия не ходила в школу: отец-пьяница не позволил дочери учиться дальше и заставил ее работать в школе. Поэтому вечерами я учил ее грамматике, разъяснял законы физики, химии и другие предметы. Так мы еще больше полюбили друг друга.

Как и следовало ожидать, вскоре меня вызвали в губернскую управу и после недолгого разбирательства уволили за недостойное поведение. Я вернулся в деревню и рассказал Евдокии о случившемся. Девушка горько заплакала и решила, что теперь-то я брошу ее. Тогда я обнял ее, горячо поцеловал и предложил стать моей супругой.

Мы обвенчались в той же деревенской церквушки и уехали в Москву. Я привез ее домой, и, как и следовало ожидать, мои родители приняли ее довольно холодно. Это обидело меня, и мы уехали в Рязань, к моей одинокой тетушке. В Москву же вернулись через десять лет. Спустя много лет я стал понимать, как правы были мои родители, ах, молодость!

Николай Владимирович закончил свою историю любви с печальной улыбкой. Не успел он вытереть полотенцем вспотевший лоб, как Надя спросила:

– А что было дальше? Куда же девалась столь трогательная любовь?

– Ах да, забыл рассказать о самом важном. Несмотря на трудности, первые годы супружества были счастливыми. Я служил в гимназии, а вечерами еще занимался с женой. Хотел

сделать ее образованной, культурной, чтоб нас связывала не только любовь, но и дух высокой культуры. Знания давались Евдокии нелегко, потому что в ее душе я не заметил особой тяги к просвещению. И все же она старалась, терпела, чтобы не быть чужой в обществе культурных людей, куда приглашали меня друзья по университету и коллеги по службе. Была еще другая причина: в первые годы мы любили друг друга, и она сносила мои требования по учебе, если даже ей не нравилось. Почти вся моя зарплата уходила на театр, концерты. Еще Евдокия стала посещать уроки танцев, осваивая светский этикет. Тогда она чувствовала себя робкой и во всем слушалась меня. Однако это длилось недолго. Освоив городскую жизнь, то есть внешнюю сторону культуры: модно одеваться, правильно вести себя за столом, танцевать и так далее, она перестала расширять свой кругозор. Я пытался убедить жену, что она сделала лишь первые шаги. Суть высокой культуры лежит глубже, в ее духовности. В ответ жена заявляла, что этого ей достаточно, чтобы выглядеть культурной женщиной среди умных людей. С горячностью я стал убеждать, что культура – это не показное приличие, а, прежде всего, то, что возвышает душу человека. Привел еще довод: «Поверь, милая, в обществе культурных людей ты все равно будешь выглядеть отсталой, стоит тебе принять участие в беседе. Твои поверхностные суждения сразу бросятся в глаза. И никакие модные платья и утонченные манеры не спасут». Но, увы! Никакие слова не помогли. К тому времени Евдокия считала себя достаточно культурной, и мои разговоры ее лишь раздражали. Она перестала читать серьезные произведения. Я не сумел сделать ее своим единомышленником, близким другом, я не сумел сблизить к себе, к своему уровню культуры. И пока между нами была любовь, она как-то сглаживала эту разницу в культуре. Но именно это различье с каждым годом отчуждало нас. И именно это стало убивать нашу любовь. С тех пор наша семейная жизнь стала скучной: нам не о чем было беседовать, кроме обыденных тем о быте. А затем возникли и ссоры. С годами мы стали чужими. Впрочем, Евдокия так не считает. Наша жизнь ей кажется вполне успешной.

Излив свою душу, Николай Владимирович легко вздохнул.

– Я вам сочувствую, – поддержать его Семен. – Вы считаете свою личную жизнь неудачной?

– Что поделаешь, жизнь уже близка к исходу, уже поздно что-либо менять. Лишь об одном жалею: не послушался совета родителей. Тогда я был молод, самоуверен, и казалось, что наша любовь будет вечной, а я смогу сделать Евдокию близким мне по духу человеком, то есть интеллигентом.

– Мы понимаем вас, – утешала его Надя.

Поезд остановился

Наступил вечер. Поезд все мчался. Красное, раскаленное солнце повисло у самого горизонта, над желтыми песками. Перед взором русских пассажиров возникла фантастическая картина. Такое они еще не видели и припали к окнам купе.

И в эти часы поезд встал среди барханов. Людей это не удивило, ведь в пути таких остановок было немало, все-таки техника состарилась. Прошло минут двадцать, и среди пассажиров началось недовольство. Вагон, где ехал Семен, обслуживал пожилой русский мужчина. Грузная фигура проводника в синей рубашке изредка мелькала в открытой двери купе. Чаще его видели в его комнатке в мокрой майке: он любил пить горячий чай, обливаясь потом. И всем пассажирам, проходящим мимо, он разъяснял, что этот напиток – лучшее средство от жары. Вот и сейчас он советовал им чай, когда собрались три возмущенных пассажира из-за задержки поезда. Семен был среди них. Опытный проводник знал, что нужно говорить в таких случаях:

– Граждане, спокойно! Если стоим, значит, есть на то причина. Вы думаете, самим машинистам приятно торчать в этом пекле? Сейчас все выясню и доложу вам, – и проводник, надев синюю рубашку, покинул свою тесную комнатку.

– Мы же тут сжаримся! – раздался в коридоре нервный женский голос, и все согласно закивали.

Прошло минут пять. Проводник вернулся и тяжелыми шагами взобрался в вагон. Тем, кто еще стоял в коридоре, он громко объявил: поезд стоит из-за поломки. Поломка серьезная, и ремонт затянется на час.

Затем он добавил:

– Граждане, пока можете выйти наружу и подышать воздухом. Только прошу, от поезда далеко не уходить.

– Куда уходить, в пустыню, что ли? – донесся шутливый голос одного из студентов в круглых очках, и пробежал смешок.

Проводник улыбнулся и сделал еще одно объявление:

– Граждане, в тамбуре двери открыты только с правой стороны. И еще, не оставляйте вещи без присмотра. И тут бывают воровы.

Люди стали расходиться. Сам проводник ушел в соседний вагон, к своим коллегам: там было веселее.

Многие спустились вниз. Хотелось размять застывшие ноги.

– Николай Владимирович, мы хотим прогуляться, не желаете с нами? – тихо сказал Семен, боясь разбудить Евдокию Матвеевну, которая спала на нижней койке.

– Я вас догоню, – зашептал он.

Леночка и Семен надели свои цветные самаркандские тюбетейки. Надя – соломенную шляпу и взяла собой книгу.

Когда они ступили на землю, ноги казались вялыми, плохо слушались, да еще мягкий песок. Из других вагонов тоже вышли люди. И все сразу замирали на месте и с трепетом смотрели на барханы, чудо природы. Оттуда веяло горячим дыханием, словно пустыня живая. Бескрайние пески таили в себе смертельную опасность. «Будет что рассказать дома», – говорили себе приезжие. Местные же пассажиры в халатах и темных папахах глядели на пустыню с равнодушием, усевшись на песке вдоль вагонов. Пустыня для них не экзотика, а вот поезд – это чудо. Они все недоумевали, как такая железная машина, да еще забитая народом, движется без божьей помощи. Среди пассажиров была и местная молодежь, которая ехала в Москву на учебу и уже одевалась по-европейски: широкие брюки, светлые рубашки и тюбетейки. Эти скромные ребята с любопытством наблюдали за русскими студентами, которые играли футбол. У будущих историков закончилась в Бухаре практика, и теперь они ехали домой. Их было шестеро,

они с шумом носились по песку, догоняя друг друга. Услышав веселые голоса, изумленные азиаты высунули головы из окошек. Одни улыбались их ребячеству, а пожилые хмурились из-за легкомысленности русской молодежи.

Когда Николай Владимирович спустился с вагона, то глянул по сторонам и заметил семью Розенталь. Те шли к началу поезда. Чтобы догнать их, Николай Владимирович ускорил шаги. Супруги же вели себя словно на прогулке: легкую обувь они несли в руках, и босые белые пятки обжигал раскаленный песок. Их спутник по купе тоже снял штиблеты.

– Я слышал, что горячий песок полезен, особенно при ревматизме, – сказал Николай Владимирович.

– Об этом я тоже читала, – согласилась Надя, – да и просто приятно ходить, хотя слегка жжет.

– Будьте осторожны и смотрите себе под ноги, – предостерег Семен. – В пустыне водятся каракурты. Это маленькие черные пауки, их укус смертелен.

Николай Владимирович прошел метров десять и надел обувь. А супруги Розенталь решили устроить испытание своей смелости. Молодым было приятно чувствовать себя героями – это же романтично. Они дошли до локомотива, где два машиниста что-то ремонтировали под колесами поезда. Пройдя еще немного, они остановились. Впереди – бескрайние желтые пески и темно-голубое небо. И больше ничего. Без сомнения, пустыня красива, но она все-таки пугает своей жарой и безжизненностью. Окажись в ее пасти без воды – тебя ждет мучительная смерть.

– Вроде красиво, но не дай бог заблудиться здесь, – произнесла Надя.

– Это будет ужасная смерть, – согласился Николай Владимирович, но Семен не был склонен драматизировать ситуацию.

– И все же здесь живут пастухи – значит, можно выжить.

– При определенных условиях можно выжить, но не всегда, – возразила жена и привела факты из истории Средней Азии. – Более двух тысяч лет назад местный пастух Ширак заманил в эту пустыню войска могущественного персидского царя Дария, и, как гласит легенда, они все погибли здесь. Так что пустыня весьма коварна.

Любовались барханами недолго, потому что безжизненная картина вызывала гнетущее чувство.

Так же не спеша они вернулись к своему вагону. Однако заходить в душный поезд не хотелось, и было решено посидеть на земле. Для этого Надя принесла из купе тонкое одеяло и постелила на песке. Все расселись по краям.

– Моя жена еще спит? – поинтересовался Николай Владимирович и, получив утвердительный ответ, удивился. – Как в такую жару может заснуть? В общем-то, не стоит удивляться, она и дома любит спать днем. А может, это к лучшему, так жара переносится легче? Говорят, еще сутки нам ехать по пустыне.

Семен предложил попутчику сыграть в шахматы. Партия в песках Каракумов – уникальный матч. Эта идея понравилась и Николаю Владимировичу, он охотно согласился. Семен быстро сбегал в купе за шахматами, и через минуту они уже выстраивали свои фигурки. Для удобства Семен сел по-восточному, подложив под себя ноги, и снял рубашку.

– Семен, постыдись людей! – с укором сказала жена.

– Чего стыдиться, вон студенты тоже разделись. Да и к чему эти буржуазные условности. Надо быть проще, ближе к простому народу.

– Согласна, но эта простота должна быть в разумных пределах, иначе мы скатимся до бескультурья. А культура – это не пустые условности – это уважительное отношение к окружающим тебя людям.

– Надя, успокойся, я не собираюсь раздеваться догола, все-таки я не папуас!

Все рассмеялись и даже Леночка, хотя не совсем поняла смысл сказанного, но ей понравились слова: «голый» и «папуас».

Надя принялась читать толстую книгу, раскрыв ее на коленях. Это был серьезный роман, и его следовало читать неторопливо, вдумчиво. Леночка же устроилась рядом, выставив перед собой плетеную корзинку, где лежала кукла, книжки и цветные лоскутки. Чтобы не было скучно, она стала придумывать себе игры. Для этого две куколки она облокотила к корзине и, как учительница, принялась читать им книжку. А когда это надоело, стала наряжать их в разноцветные лоскутки. Впрочем, подобные игры были ей уже знакомы и быстро надоели. Тогда она взяла корзинку и поднялась с места.

– Мама, можно я погуляю, а то мне надоело сидеть.

– Одну я тебя не отпущу, посиди рядом с папой, научишься играть в шахматы.

– Ну, мама, это мне не интересно. Я устала сидеть, мне скучно! – почти захныкала дочка.

Семен, склонившись над фигурками, казалось, весь был поглощен игрой. Не отрываясь от доски, он попросил Надю отпустить дочь:

– Она уже не маленькая. Да и где тут потеряться.

– Ну ладно, только далеко не уходи.

– Хорошо мама. Вон там я буду собирать камушки и что-нибудь построю на песке.

И Лена с корзинкой пошла вдоль вагонов, разглядывая скучных пассажиров. По пути девочка собирала разноцветные камушки и бросала их в корзинку, затем обратно, так она гуляла.

Временами Надя поглядывала на дочь. Потом снова увлекалась чтением и погружалась в мир героев Марселя Пруста.

Последний раз, когда мать вспомнила о дочке, та сидела возле соседнего вагона и что-то строила на песке. Отец же был прикован к шахматной доске и ни разу не взглянул в сторону дочки.

Прошло немного времени, и наконец-то раздался долгожданный гудок поезда. Все облегченно вздохнули и устремились к своим вагонам. Надя поднялась с места и глянула туда, где сидела дочь. Но Леночки там не оказалось. Тогда мать окинула взглядом всех пассажиров – и среди них тоже не заметила дочь. Вот тогда от волнения ее сердце забилось быстрее.

– Семен, вставай, я не вижу Лены!

– Надя, напрасно беспокоишься. Я уверен, что Лена уже сидит в купе и пьет чай с Евдокией Матвеевной, – сказал Семен, собирая шахматы в коробочку, и при этом добавил. – Жаль, что не удалось закончить второй матч, а ведь у меня были все шансы отыгратья.

Его жена успокоилась, решив, что муж вполне прав, где же быть Лене, как не в купе.

– Николай Владимирович, вы запомнили расположение своих фигур? Мы можем продолжить игру в купе? – спросил Семен и у вагона помог жене подняться.

– Все помню, но хочу сказать, что вы напрасно торжествуете: потеря королевы и двух слонов – это не всегда проигрыш.

Надя первой вошла в купе и застыла на месте. Там была только Евдокия Матвеевна с заспанным лицом.

– Вы не видели Леночку? – с трудом выдавила Надя, и от волнения ее ноги стали как ватные.

– Не видела, я только проснулась, – и попутчица заметила, как лицо Нади побледнело. – Что происходит? Почему мы стоим?

И тут в душе Семена пробудилось тревога. Надю же охватил такой страх, что она не могла понять, о чем ее спрашивают. Она выбежала из купе и, толкая в коридоре пассажиров, устремилась к выходу. Возмущенные люди ворчали вслед этой странной женщине. Один военный, здоровяк лет пятидесяти, крикнул ей: «Вот дура, слепая, что ли?!»

Семен кинулся за ней.

У вагона стоял проводник. От волнения Надя уже не могла говорить, и Семен сказал:

– Дочка пропала, нет ее в купе, что делать?

В ответ проводник усмехнулся:

– Что значит пропала? Сами подумайте, как она может потеряться тут? Это вам не город. Наверное, сидит в соседнем купе. Такое иногда бывает. Нечего панику разводить!

– Но наша дочь никого здесь не знает.

– Дети есть дети. Им ничего не стоит заглянуть в любое купе и завести себе подружку.

Уверенный тон опытного железнодорожника слегка успокоил родителей. Надо было ее искать.

– Надя, загляни к соседям по купе. Я же на всякий случай пройдусь вдоль вагонов, – сказал Семен и побежал к концу поезда.

Семен добежал до последнего вагона, он тяжело дышал, но Лены нигде не было видно. Тогда он посмотрел на другую сторону поезда: там и вовсе ни души. Семен помчался обратно – к своему вагону. Проводник стоял на том же месте и опять усмехнулся.

– Гражданин инженер, напрасно беспокоитесь, ваша дочь, наверное, сидит у добрых людей. Послушайте меня.

– Сейчас проверим это, – ответил на ходу Семен и вскочил в тамбур.

Оттуда – в коридор и сразу столкнулся с Надей. Жена не могла говорить, лицо залито слезами. Муж все понял: Леночки в их вагоне нет. Вот тогда ему стало по-настоящему страшно.

Поиски

Поезд опять дал гудок, и стало ясно: сейчас он тронется в путь. Глаза Нади наполнились безумным страхом, слезы по лицу потекли еще сильнее, и она стала кричать: «Нет, нет, поезд сейчас уедет! Надо его остановить!» Николай Владимирович находился рядом и не знал, как им помочь. Он был тоже растерян.

– Бежим к машинисту! – резко сказал Семен, овладев собой.

Все спустились с вагона и кинулись за бегущим Семеном. Проводник хотел успокоить их и крикнул:

– Куда вы, сейчас поезд двинется. Напрасно вы так... девочка ваша где-то в вагоне.

Надя кинулась за мужем и вдруг упала в песок. Николай Владимирович помог ей встать. «Скоро будет темно – надо скорее ее найти», – твердила несчастная мать. Люди у окон коридора были в недоумении. Что случилось, куда бегут эти люди? Казалось, кто-то преследовал их, а может быть, местные бандиты? И все сошлись на том, что их просто обокрали. Такое случается нередко.

Семен окликнул машиниста: «Эй, машинист!» Выглянул мужчина лет пятидесяти, с густо остриженной бородкой и пышными усами. Семен сообщил о пропаже дочери:

– Прошу вас, задержите поезд, мы найдем ее и тогда поедем. Нам нужно всего несколько минут.

Тяжело дыша, Надя добавила:

– Мы без дочки не уедем отсюда. Кто знает, может, она зачем-то ушла в барханы – это же ребенок.

– Ох, вашу мать! – выпалил злой машинист. – Надо было смотреть за своим ребенком. И без того мы застряли тут надолго, вон, народ ругается, как будто я виноват. Куда мог деться ваш ребенок? Должно быть, заплутал в каком-нибудь вагоне, а вы тут панику развели. Не могла же она уйти в пески. Поезд сейчас тронется, ищите дочь в вагонах.

– Гражданин машинист, у вас дети или внуки есть, войдите в их положение! – резким голосом застыдил Николай Владимирович.

– Такими словами меня не разжалобишь. Я уже сказал: идите и ищите ребенка в вагонах. Я не желаю нарушать порядок.

– О, боже милостивый! – взмолилась мать. – Что он говорит?.. А если моей дочери не окажется в поезде, то как мы вернемся сюда? – всплеснула руками Надя и затем закрыла лицо, готовая разрыдаться.

– Слушай меня, машинист, – уже с угрозой сказал Семен, – если поезд тронется, я жестоко расправлюсь с тобой и сам остановлю эту технику, я инженер.

– Ты меня не пугай. Я сам могу разбить ключом твою башку. Лучше иди в первый вагон, там милиционер, с ним и разбирайся.

Это было рядом. Семен оставил жену возле локомотива, а сам вбежал в вагон, где был милиционер.

Надя закрыла лицо ладонями и запричитала какую-то молитву, которой ее научили в детстве. Горина, бывшая комсомолка, не была верующей, как и многие молодые люди. Но страх за судьбу дочки затмил ее разум, да и материнский инстинкт оказался сильнее любой идеологии. В эти минуты она готова была верить в любого Бога – лишь бы нашлась дочь. А Николай Владимирович всячески утешал ее и повторял, что нужно верить в лучшее, что Леночка в купе у добрых людей.

Семен подошел с милиционером, одетым в белую гимнастерку и в такого же цвета фуражке с красной звездой. Молодой страж порядка представился, отдав честь:

– Александр Шведов, московская линейная милиция. Гражданка Горина, можете не сомневаться, ваша дочь жива, здорова и через несколько минут отыщется. Такое в моей практике уже бывало.

Уверенный тон светловолосого милиционера сразу подействовал на родителей. Затем Шведов позвал машиниста:

– Кузьмич, поезд тронется по моему приказу.

Машинист был недоволен:

– Саша, напрасно эти люди создают панику. Сам подумай, куда девочка могла уйти, не в пески же? Она где-то в поезде.

– Я тоже так думаю. И все же задержимся, хотя бы ради этих несчастных людей.

В знак благодарности Надя и Семен пожали руку милиционеру. Саша был на лет семь моложе этих супругов и смущено произнес, что это его работа. На железной дороге он уже третий год. Как он позже признался, его романтическую натуру всегда тянуло к приключениям, и вот тогда он решил стать сыщиком, как знаменитый Шерлок Холмс. После юридического факультета получил назначение в линейную милицию. Вначале это его расстроило, ведь Саша мечтал о службе в уголовном розыске. Но и здесь случаются интересные и порой опасные преступления. К примеру, год назад на этот поезд напала банда из четырех азиатов. Дело было ночью. Они отбирали у пассажиров деньги и дорогие вещи. Саша столкнулся с ними в коридоре, и началась перестрелка. Двух бандитов удалось застрелить, а остальные прыгнули из поезда. Правда, его самого тоже задела пуля, в плечо.

– Сейчас мы организуем поиск, но прежде вопрос, – деловито сказал милиционер Саша.

Супругов он просил вспомнить, когда последний раз они видели Леночку. И тогда сыщик принял решение:

– Разумеется, ваша дочка не могла уйти в пустыню, и все же нельзя этого исключать. Вы, Семен, пройдитеесь вдоль поезда. Может, там остались детские следы, если она решилась на такое. А вы, Николай Владимирович, сделаете то же самое, но по правой стороне. Кроме следов, вы можете найти какие-нибудь детские вещи. Только все делать быстро, пока не стемнело. Если не обнаружите следов, значит, она где-то в поезде.

Получив задание, все спешно разошлись. Сам же милиционер вместе с Надей зашагал к месту, где мать видела дочь в последний раз. Надя привела к тому вагону, возле которой Леночка что-то строила на песке. Пассажиры высовывали головы из окон, желая угадать причину задержки. Вдруг Надя вскрикнула и с песка подняла детскую корзинку.

– Это ее? – спросил милиционер.

– Леночка собирала сюда камушки и хотела что-то строить.

Однако Саша показал рукой на песок и сказал:

– Вот для чего ей понадобились эти камушки.

Там были выложены имена: «Валя», «Петя».

– Это ее сестренка и братик. Они остались в Москве, с бабушкой и дедушкой.

– Не будем терять времени, идемте в вагон. Мне думается: она сидит у каких-то глупых людей, которым и в голову не приходит мысль, что ребенка будут искать. Поверьте, такой глупый народ встречается.

А между тем из окон доносились раздраженные голоса пассажиров с одним и тем же вопросом. «Когда, наконец-то, тронется поезд?» Страж порядка был краток: «Девочка потерялась, скоро тронемся». Затем они устремились к первому вагону.

Милиционер отворял одно купе за другим и задавал один и тот же вопрос: «Кто видел девочку лет десяти, зовут Лена, в цветастой тюбетейке?» В ответ пассажиры лишь вспоминали, как девочка гуляла с мамой и папой. И больше ничего.

Опрос в первом вагоне не дал ничего нового. Второй вагон также был купейным, и занимали его всякие чиновники, военные и интеллигенция. Кое-кто уже слышал о поиске девочки

и с жалостью разглядывал несчастную мать, особенно женщины. И во втором вагоне ничего нового. Надя следовала за милиционером.

Когда они очутились в тамбуре третьего вагона, у Нади не выдержали нервы, и она снова заплакала: «Неужели мы не найдем ее? О Господи, что же это такое?»

– Надя, крепитесь, надо продолжать поиск, не может человек так просто исчезнуть, – сказал Саша и спросил. – Этот вагон ваш?

Вытирая рукой лицо, Надя кивнула головой.

– Тогда не будем терять времени и пойдем в следующий вагон. Хотя нет, давайте заглянет в ваше купе, а вдруг Лена сама объявилась.

От таких слов глаза Нади ожили, ей подумалось: может, в самом деле Леночка сейчас сидит в нашем купе, а я тут? Такая мысль так обрадовала мать, что она кинулась в купе первой и резко отворила дверцу. Там, кроме Евдокии Матвеевны, никого не было. И опять Надю охватил страх: ноги ослабли, тошнота подкатила к горлу.

– Леночка не нашлась? – спросила жена Николая Владимировича.

Надя покачала головой.

– Надя, может быть, и я пойду с вами искать?

За нее ответил милиционер:

– Будет лучше, если останетесь здесь: вдруг Лена объявится, и тогда вы нам сообщите. У меня вопрос: когда в последний раз вы видели девочку?

– Когда это случилось, я спала. Товарищ милиционер, неужели ее не найдут? Как это ужасно! А где мой муж?

– Он в пустыне.

– Как в пустыни? Что он там делает?

– Не тревожьтесь, здесь рядом, скоро придет. Надя, будет лучше, если вы останетесь в купе: вы очень бледны.

– Нет, нет, я не могу остаться: здесь я с ума сойду. У меня есть силы, только вот выпью чаю.

Волнуясь, Евдокия Матвеевна быстро налила чай и протянула стакан.

Четвертый вагон был общим, и народу было много, в основном местные жители. Там стояла духота. Милиционер знал, что в пути они все сойдут и до Москвы доедет малая часть. Как обычно, такие пассажиры везут свой товар в большие города, где его можно сбывать дороже и купить новый.

Их встретил молодой проводник этого вагона, казах с раскосыми глазами. Он доложил милиционеру, что уже опросил своих пассажиров о пропавшей девочке. Оказывается, ее никто не видел. Саша похвалил проводника за активность. Было заметно, что этот азиат дорожит своей работой. Тем не менее Шведов решил сам осмотреть вагон и поговорить с людьми. Он чувствовал, как это дело начинает принимать серьезный оборот. Поэтому милиционер заглянул в бытовые комнатки и под сидением пассажиров, набитых большими мешками и тряпочными сумками.

Люди с интересом наблюдали за работой важного начальника, и некоторые усмехались. Мол, нашли, где искать. Неужели, мы такие разбойники! И все же один белобородый казах осмелился спросить:

– Эй, сынок, неужели ты думаешь, что мы спрятали ребенка? Мы детей не крадем, и такого позора у нас не бывало.

– А воровать молоденьких невест – это не позор? – резко ответил Саша на их языке.

– Невеста, другое дело, это уже не ребенок. Это наш обычай, но сейчас такое случается все реже. Так что не обижай нас, мы не воры детей.

– Невеста в пятнадцать лет еще ребенок. И вообще, воровать людей – разве это не позор? – твердо спросил милиционер и сам ответил. – Это дикость!

Старик промолчал, хотя в душе был иного мнения. Он не желал вступать в спор с человеком, у которого большая власть. А вдруг арестует и бросит за решетку.

Сыщик был занят своим делом: он не доверял местным. Свой народ азиаты не выдадут, если даже он вор. Хотя русские живут тут уже более полувека, для азиатов они остаются чужими. И когда милиционер был уже в конце этого вагона и опрашивал людей, один старик с ухмылкой произнес:

– Этой русской жене надо было лучше смотреть за своим ребенком, а не полураздетой гулять среди мужчин.

Такие слова люди сочли весьма справедливыми, и все закивали головами. Надя же не знала тюркского языка и ничего не поняла. Но Саша бросил на старика пристальный взгляд. Старик опустил голову, не желая осложнять отношения. В ответ ему, мешая тюркские слова с русскими, Саша твердо произнес:

– У каждого народа своя одежда, свои обычаи, и не нужно травить их между собой. Это уже политика. Поэтому прежде чем говорить такое, хорошенько подумайте. Я вас предупреждаю.

– Что сказал этот старик, – спросила Надя, – он что-то знает о Леночке?

– Нет. Просто болтает всякую чушь и отвлекает от работы.

– Мне показалось, они осуждают мать, которая недоглядела за своим ребенком. Это заметно по их лицам. Если это так, они совершенно правы. Я сама проклиная себя. Если бы Леночка сидела рядом, этого не случилось.

– Не мучайте себя, ведь невозможно уследить за каждым шагом ребенка. Да, эти люди осуждают вас, но не им судить. Они рожают детей десятками и совсем не заботятся об их образовании. И целыми днями их дети шатаются по улицам. Кто из них вырастит?

– Не будьте к ним так строги: они малообразованны, что они могут дать своим детям? Они не виноваты, это их беда.

Оставалось еще пару вагонов, а Леночки все не было. Надя чувствовала, как ее покидают силы, и уже еле плелась за милиционером.

И вот последний вагон. Он тоже ничего не дал. И тогда в тамбуре Надя разрыдалась, закрыв лицо руками. Саша сам оказался в растерянности, сам не мог ничего понять. Теперь сыщику нужна была новая версия, но сначала хотелось как-то успокоить бедную мать. И милиционер стал уверять, что поиски еще не завершены. Его голос звучал уже не столь уверенно.

Когда Саша и Надя спускались с вагона, над барханами нависли сумерки. Внизу их ждали Семен и Николай Владимирович. Они были одни, без Леночки. Уже на последних ступеньках Надю покинули силы, и она стала валиться набок. Семен успел подхватить ее. Надя спросила: «Вы тоже не нашли, даже ее следов?» По щекам мужа текли слезы.

Между тем милиционер взял Николая Владимировича под руку и отвел в сторону, желая узнать:

– Неужели никаких следов? Совсем?

Тот лишь развел руками. Значит, совсем ничего.

– Мы весь поезд осмотрели. Не знаю, где еще искать. Прямо-таки какая-то чертовщина! – нервно воскликнул Саша.

– А может, случилось убийство? – шепотом спросил Николай Владимирович, искоса глядя на супругов, которые от горя крепко обнялись.

– Минуту назад я думал о том же. Но зачем? Ради чего, ведь на девочке не было золотых украшений? Нет мотива.

– Девочка могла быть очевидцем какого-либо преступления. И тогда этот злодей мог заманить ее в туалет или подсобку и там расправиться с нею.

– Это выглядит логично. Далее он мог бы уложить ее тело в мешок и, скажем, оставить на самом видном месте, чтобы никому в голову не пришло искать там. Ведь обычно тела прячут.

– А может, просто оставил в какой-то подсобке.

– Такой оборот дела тоже возможен. Одним словом, мы будем искать везде. Тем более другой версии у нас нет.

– Мне думается, об этой версии не следует говорить супругам Розенталь? Вы сами понимаете... Выходит, ребенка уже нет в живых?

Саша согласно закивал головой. Затем он подошел к бедным родителям и сказал, что поиски в вагонах будут продолжены, а сейчас поезд должен ехать: «Я не имею право более задерживать его».

– Нет! Нет! – резко возразила Надя и с мольбой глянула в глаза Саши. – Мы не можем оставить дочку в пустыне. Тогда я тоже останусь здесь.

Такие слова привели милиционера в замешательство. Женщина словно обезумела. В таких случаях нужно было проявить твердость – так их учили в университете. Это слегка остудит ее. И милиционер заговорил с нею официально:

– Гражданка Розенталь, я понимаю ваше состояние, и все же я твердо уверен, что в пустыне ее нет. Это может подтвердить и ваш муж. У нас имеется кое-какая версия, и мне думается: ваша дочка где-то в поезде. Так что сейчас поезд тронется, а мы возобновим поиск.

Не сразу, но все же это подействовало, и Надя подчинилась. Они направились к головным вагонам. Совсем разбитые супруги Розенталь шли сзади, тесно сжавшись и свесив тяжелые головы. У своего вагона они замедлили шаги, и милиционер сказал:

– Семен, вы идите к себе в купе, а мы с Николаем Владимировичем продолжим поиски.

Отец девочки хотел возразить, но старый учитель своим мягким голосом стал настаивать:

– Семен, в такой час вы должны быть рядом с женой. Сейчас она очень нуждается в близком человеке, и лучше вас никто этого не сделает. А тем временем мы с Сашей опять пройдемся по вагонам. У нас есть кое-какая мысль. Надеемся на лучшее.

Супруги согласились и поднялись в свой вагон. Остальные направились в сторону машиниста, и на ходу милиционер крикнул, махнув рукой:

– Кузьмич, поехали!

– Значит, девочку нашли, – спросил тот через окно, – я же говорил, ребенок в поезде.

– Кузьмич, нет ее нигде.

– Как это так? Куда она могла деться? Тут что-то нечисто, – и машинист перекрестился. – Двадцать лет вожу эту машину – такого случая не припомню.

Семен и Надя сидели в купе рядом и молчали. А когда раздался короткий гудок, супруги вздрогнули и с ужасом посмотрели друг на друга. Из опухших красных глаз Нади вновь потекли слезы. У матери было такое чувство, словно она оставляет свою дочь в пустыне.

Поезд дернуло, и он с шумом стал набирать скорость.

Прежде чем возобновить поиски, следовало обсудить создавшую ситуацию. Саша и Николай Владимирович вошли в комнатку милиционера. «Присаживайтесь», – сказал хозяин и разлил остывший чай с металлического чайника. Во рту у них давно пересохло, и они разом осушили свои граненые стаканы. В эту минуту к ним заглянул молодой проводник и поставил на столик бутылку самогонки.

– Саша, надобно нам поесть, время уже позднее. Я ждал тебя. Вот самогонку добыл.

– Что-то не хочется: в горло не полезет. Да и сейчас расслабляться нельзя. Первым делом надо девочку отыскать: живой или мертвой.

– Ты думаешь, она уже мертва? – спросил проводник.

– Не задавай такие страшные вопросы, я сам ничего не пойму. Нет ни одной улики. Таких ситуаций у меня еще не было.

В тесном купе наступило молчание. И тут проводник пришел к мысли, что тут без чистой силы не обошлось:

– Если ты, Саша, был бы верующим, то взглянул бы на это иными глазами. Есть вещи, в которые стоит лишь верить.

Саша махнул рукой: мол, брось эти суеверия, они совсем не к месту. Проводник почувствовал: его друг не в духе, и ушел.

Саша и Николай Владимирович молча выкурили по папиросе и опять занялись поисками. Им не очень верилось в убийство, но других версий не было. Ко всему же надо было что-то делать, ведь иначе несчастные супруги Розенталь сойдут с ума.

И вот теперь они снова шли по вагонам и осматривали места, где убийца мог бы спрятать тело. Опять заглядывали к людям в купе. Николай Владимирович держал в руке керосиновую лампу, а Саша проверял содержимое некоторых мешков. Пассажиры особо не возмущались. Всякого рода проверки в стране стали обычным делом, правда, не столь дотошные. И все же люди недоумевали, почему девочку ищут в мешках. На такие вопросы милиционер отвечал кратко: «Так надо». Они заглянули и в купе Розенталь. Кто знает, вдруг чудесным образом девочка сама объявилась. Однако все сидели на прежних местах, только без Леночки. Супруги подняли головы, их глаза ожили, а лица застыли в ожидании. Николай Владимирович отрицательно покачал головой:

– Пока ничего, мы только начали. Так что крепитесь!

Было уже за полночь, когда они обследовали последний вагон и ни с чем вернулись в купе Саши.

Утомленный Николай Владимирович опустил за столик напротив милиционера. Хотя его ждали супруги Розенталь, он не спешил туда. Нечем было их обрадовать. Саша словно прочитал мысли учителя и сам просил его задержаться. И тогда Николай Владимирович признался:

– Вернусь к себе позже, когда Семен и Надя заснут, хотя в эту ночь им вряд ли удастся заснуть.

Саша вынул из деревянной коробки бутылку самогонки и сказал, что теперь-то можно выпить, потому что он раздавлен и не знает, где искать девочку. Разлив по стаканам, он выложил на столик помидоры, огурцы и большую тонкую лепешку.

– Угощайтесь, должно быть, вы тоже голодны? Но прежде выпьем. Может быть, на душе легче станет? Самогонка – чистейшая, изготовили из тутовника. Ее делает один русский агроном из Ташкента. Такой самогонки в Москве не сыщешь. Из винограда тоже делают, но из тутовника получается лучше. С нашей сивухой ее и близко не сравнить.

Николай Владимирович резко опрокинул полстакана и не смог закрыть рот: дыхание перехватило, выступили слезы.

– До чего крепкий, прямо, как спирт. Давно такое я не брал в рот. Вообще-то, я не любитель крепких напитков.

Саша выпил разом, слегка сморщился и откусил огурец.

– Николай Владимирович, почему вы не едите?

– Такое горе, ничего в горло не лезет.

Тогда они выпили еще по одной, и Николай Владимирович поинтересовался о планах сыщика. Смущенный Саша пожал плечами: «Видимо, такое дело мне не по плечу». Тогда Николай Владимирович выдвинул еще одну версию.

– А что, если этот злодей заманил ребенка, свидетеля, на другую сторону поезда, где во время остановки никого не было. И там ее лишил жизни и закопал в песок. Поэтому и нет следов.

– Но, позвольте, во время остановки некоторые пассажиры остались в купе: не все вышли из вагонов, и кто-то из них мог увидеть это.

– Такое возможно, хотя мотив не ясен. Да и кто этот злодей и что такого натворил, что пришлось убрать свидетеля? Мне думается: девочки уже нет в живых, иначе бы нашли. Да, ситуация тупиковая. Так много вопросов и ни одной улики. Признаться, ваша версия слабая и все же лучше, чем ничего. Давайте выпьем еще по одной, – сказал Саша и стал наполнять стаканы, держа бутылку двумя руками.

– А может быть, кто-то решил отомстить Семену или его брату и преследует их с самого Самарканда?

Милиционер хотел откусить яблоко и задумался.

– Это исключено, – возразил он. – Преступник не мог знать, что поезд остановится в пустыне на ремонт. Да и что за месть? Проще было бы осуществить ее в Самарканде: в большом городе легче скрыться.

– А мог ли этим человеком оказаться кто-то из азиатов? Дело в том, что когда поезд стоял, я видел одного местного. Это был юноша и шел по той стороне поезда, где никого не было. Он держал за уздцы свою лошадь. Я заметил эту фигуру всего на миг, между вагонами.

– Странное дело, откуда он взялся? Видимо, это пастух, из кочевников и живет где-то рядом. Как он выглядел?

– Раскосые глаза, на голове – лохматая шапка из овечьей шкуры, в легком выцветшем халате синего цвета. Может, это он убил?

Милиционер перестал жевать, и лицо его сделалось задумчивым. И тут его осенила какая-то важная мысль. Глаза Саши ожили, и он воскликнул:

– Зачем убивать такую красивую девочку, может быть, он украл ее? Насколько мне известно, у азиатов есть обычай красть девушек?

– О таком старом обычае я тоже слышал. До прихода сюда русских здесь часто похищали людей и сбывали как товар на рынках Хивы и Бухары. Этим делом занимались кочевники. И чаще всего пленниками оказывались русские люди. Но эта дикость уже осталось в прошлом.

– Но обычай красть невест у них еще сохранился. Мне о нем говорили сами местные. Правда, случается это все реже и в основном в кишлаках, аулах. И крадут своих девушек, потому что чужих девушек могут не принять в семью. Это было развито у кочевников, но сейчас многие из них осели в селах.

– Саша, вы полагаете, что этот пастух-кочевник мог похитить ее? Но для чего? Она еще ребенок, да и сами сказали, что русские невесты им не нужны. Тогда для каких целей?

– Может, у них нет дочерей, и они сделают из нее служанку? Конечно, не совсем удачное объяснение, но украсть могли.

Эта идея придала ему уверенность, и сыщик жадно закурил папиросу, а затем открытую коробочку протянул учителю. Тот вежливо отказался и добавил:

– Знаете, идея о похищении мне нравится, чем бессмысленная мысль об убийстве. Над этой версией нужно нам поработать. Давайте выпьем за эту идею, чтоб девочка нашлась.

Саша разлил в стаканы.

– Завтра же опросим всех пассажиров, – сказал милиционер. – Должно быть, этого пастуха видели и другие люди.

– Также нам следует выяснить, где ближайшая стоянка кочевников, откуда тот мог явиться. Хотя уже понятно, что пастухи живут где-то недалеко от железной дороги. Но найти их в пустыне будет непросто. Самим нам не справиться. Завтра мы прибудем на станцию Кизляр, и там товарищи помогут в поиске. Я сам не могу остаться тут.

– Это версия даст хоть какую-то надежду бедным супругам Розенталь. Потеря ребенка – самое ужасное горе для родителей. Смерть детей несравнима со смертью взрослых. Почему так? Я заметил, что природа дала родителям особый инстинкт любви к своим малым детям. Именно к малышам. Это чувство наблюдается и у животных для сохранения потомства от врагов. А связано оно с тем, что именно в этом возрасте дети нуждаются в особой заботе, иначе

в дикой природе им не выжить. Этим и объясняется наша безумная привязанность к детям. Но когда они взрослеют, то слепая любовь проходит, потому что дети уже не нуждаются в защите. Однако не значит, что родительская любовь уходит бесследно. Мне думается, ей на смену приходит другая форма любви – привязанность.

– Интересное наблюдение. Выходит, что родители любят своих маленьких детей не по собственной доброте. Оказывается, это инстинкт заставляет взрослых любить своих детей независимо от их желания.

– Вы верно заметили, – и Николай Владимирович хлебнул чаю.

– В таком случае как жаль, что этот инстинкт любви не вечен и со временем остывает, теряя прежнюю силу.

– А может, это к лучшему? Представьте себе, если бы этот сильнейший инстинкт сохранился бы на всю жизнь. И родители продолжали бы опекать уже взрослых детей, как малолеток, и те выросли бы изнеженными и сами не выжили бы. Это навредило бы человеческому роду. Поразительно, как все умно устроено в природе.

– Не совсем согласен. Например, я стал взрослым, но, верьте, продолжаю любить своих мать и отца.

– Да, но эта любовь уже не так сильна, как было в детстве.

Саша согласился и закивал головой. На него нахлынули воспоминания о детстве. Это казалось «золотым» временем его жизни. Особенно теплая родительская постель, куда он любил забираться, прижавшись то к маме, то к отцу. Почему-то это запомнилось на всю жизнь. Должно быть, потому, что тогда они казались Саше самыми красивыми и умными людьми на свете. Сейчас же они иногда раздражали сына своим непониманием. Саша заговорил:

– Что касается родительского инстинкта, вы правы. Более того, даже в среде уголовников есть закон, который запрещает совершать насилия над детьми. Значит, и впрямь этот инстинкт любви так силен, что даже преступники бессильны перед ним. Не поверите, я долго помнил сладкий запах мамы. Видимо, и у малых детей существует такой же бессознательный инстинкт любви к своим родителям, потому дети прощают даже отцов-пьяниц, которые их бьют.

Николая Владимировича тянуло ко сну, глаза уже смыкались. Он вынул из кармана часы на цепочке. Стрелки близились к четырем. Он решил вернуться к себе и тяжело поднялся. Саша тоже встал и пожал учителю руку.

– Вот самогонка, передайте родителям девочки. Это немного заглушит боль души, и еще скажите, что Леночка обязательно найдется.

В коридоре тускло светила керосиновая лампа у потолка. Николая Владимировича шатало по сторонам, и ему подумалось: «Неужели я так пьян или поезд сильно укачивает? Как-то нехорошо являться к Семену в таком виде. Что он подумает обо мне. А может, уже все заснули?»

Учитель как можно тише раскрыл дверь купе. На столике горела свеча. Супруги Розенталь вздрогнули и уставились на Николая Владимировича.

– Дела не так уж плохи, – зашептал тот и, глянув на спящую жену, поставил бутылку на стол.

Он сел напротив супругов и начал с главного: «Теперь нам известна причина исчезновения Леночки». И он рассказал про молоденького кочевника, который, вероятнее всего, и совершил похищение человека. Теперь они знают, где искать ее.

Впрочем, такая версия не могла утешить родителей.

– Что это за дикость, неужели такое возможно? – вскрикнула Надя на все купе.

– Самое главное – Леночка жива, – вторил учитель.

Семен слушал внимательно, хотя в такое ему верилось с трудом. Однако у несчастных родителей не было иного выбора, как принять такую версию. В ней была хоть какая-то надежда, чем ничего.

Николай Владимирович разлил самогонку по стаканам и велел всем выпить:

– Давайте выпьем за удачу. Да и надобно вам расслабиться и поспать: завтра нас ждет поисковая работа и нужны свежие силы.

– Сама мысль, что похитили мою дочку, не менее ужасна, – сказал Семен, – и все же пусть будет так, хоть есть надежда вызволить ее из плена.

Все выпили. От крепкого напитка Надя закашляла, и муж поднес ей стакан чая.

Прежде чем лечь на верхней полке взгляд учителя застыл на лице спящей жены. В нем пробудилась злость: у людей такое горе, а она спокойно спит. Ему захотелось встряхнуть супругу и крикнуть ей: «Разве можно быть столь бессердечной?» Уставившись на спящее лицо при тусклом свете свечи, муж заметил: она уже давно стала некрасивой. А ведь когда-то ее большие глаза, прямые брови казались самыми прекрасными, и даже большой рот имел свою прелесть. Почему он стал равнодушен к ее красоте? А ведь ей всего сорок. Может, из-за того, что они оказались людьми с разными уровнями культуры? «Я должен злиться только на себя, хотя тогда был молод, и все казалось по плечу. Ах, молодость!» По приезду домой Николай Владимирович твердо решил разойтись с ней. Отныне ничто не связывало его с Евдокией: ни взрослые дети, ни любовь, ни духовные интересы. Он будет искать настоящего друга, а если повезет, и любовь.

Супруги Розенталь так и не сомкнули глаз. А когда на горизонте начало светать, они глядели, как красное зарево восходит над барханами. Несчастные родители мучительно ждали утра, чтобы скорее приступить к поискам.

В шесть утра купе залило ярким светом. Надя отпустила выцветшие занавески. Семен вышел. Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, инженер стал ходить по пустому коридору взад и вперед. Однако это не принесло ему облегчения. А между тем люди пробуждались. Из купе выходили редкие пассажиры с полотенцем на плече и непременно спрашивали о его дочке. Мрачный Розенталь лишь разводил руками.

Саша явился в купе Розенталь к восьми, когда Семен и Николай Владимирович уже сами хотели идти к нему. В дверях выросла высокая фигура сыщика. Милиционер присел и сразу извинился, что проспал.

– Спасибо вам за самогонку, а то вчера чуть с ума не сошли, – сказала Надя, – Николай Владимирович рассказал нам о вашей новой версии. Мы во всем полагаемся только на вас, будем молить Бога, чтобы ваше профессиональное чутье не подвело вас.

– Эту идею предложил сам Николай Владимирович, а я лишь развил ее. Оказывается, наш учитель весьма наблюдательный человек. Итак, сейчас мы должны опросить всех пассажиров об этом молодом азиате. Вероятно всего, этот пастух живет недалеко от железной дороги, иначе не появился бы у поезда.

– Но как мы вернемся на место преступления? – спросил Семен, прервав следователя.

– Сделаем так. Сегодня, ближе к вечеру, мы прибудем в поселок Кизляр. Там местные милиционеры найдут вам проводников, и с ними вы отправитесь на поиски кочевника. Ко всему же в поселке живут русские геологи, которые также окажут вам помощь.

– Саша, а вы уверены, что местные милиционеры примут вашу версию и захотят искать девочку в пустыне?

– Начальника кизлярской милиции я хорошо знаю. Я напишу ему записку, можете не беспокоиться. А сейчас я должен опросить пассажиров.

– Мы хотим помочь, – и Надя встала с места.

– Спасибо, но сам управлюсь.

И милиционер покинул купе. Отец девочки проводил его до тамбура, еще кое-что обсудив. Когда Семен вернулся, то жена уже укладывала свои вещи в чемодан.

– Наденька, ты тоже хочешь остаться в Кизляре? – спросил муж.

– Разумеется, как же иначе! Пока не найдем Леночку, я отсюда не уеду.

Семен был против и не успел раскрыть рта, как Евдокия Матвеевна сказала за него:

– Надя, вы здесь ничем не сможете помочь мужу. Не пойдете же в пустыню.

– Если нужно будет, отправлюсь в пески.

Кажется, она не собиралась ни с кем обсуждать эту тему. Когда уложила в чемодан платье и сверху книжки дочери, на ресницах блеснули слезы.

– Надя, не забывай, что дома тебя ждут Валя и Петя, – пытался переубедить муж.

– За ними мама присмотрит.

– Пойми, милая, здесь небезопасно, да и ты не осилишь пустыню.

Николай Владимирович, сидя возле жены, счел Надино решение ошибочным и задал ей вопрос: чем женщина способна помочь мужу в пустыне? Не кажется ли, что она будете обузой и лишь усложнит поиск? «К тому же ходьба по пустыне – это не путешествие по лесу. Подумайте!»

Такие доводы заставили ее задуматься. Надя села у раскрытого чемодана и до ее сознания начали доходить сказанные слова. Тогда она бросилась лицом на подушку и зарыдала. Вскоре Надя подняла голову и тихо сказала мужу:

– Хорошо, пусть будет по-твоему.

– Поверь, милая, без Леночки я не вернусь домой. Это мужское дело.

И через какое-то время Надя уже собирала вещи мужа в черный саквояж.

За час до прибытия в Кизляр в купе зашел Саша. Говорил он уверенно. Ему не терпелось сообщить о результатах опроса. Оказалось, того кочевника видело еще семь пассажиров. Однако в его поведении они не заметили ничего особенного. А еще двое видели, как тот ускакал в глубь пустыни, словно за ним гнались. И задал я себе вопрос, почему этот юноша так вдруг поспешил в пустыню? Что случилось? Может, у поезда он что-нибудь натворил? Скажем, украл девочку и умчался в пески? Одним словом, им следует искать этого кочевника.

Кизляр

Станция стояла на ровной площадке, и вокруг тянулась бесконечная степь. Маленькое добротное здание было выстроено из кирпича еще в царское время. За станцией – низина, и там виднелись глиняные крыши поселка. И все же такая картина радовала глаз пассажиров: после мертвых барханов здесь была жизнь.

Станция вмиг ожила. К вагонам спешили местные женщины, дети предлагали свой товар. Некоторые пассажиры спускались вниз, делая покупки, другие же лишь смотрели из окошка. А жители станции, выставив свой товар, повторяли лишь одно слово: «купи!» «купи!» Женщины держали в руках вязаные вещи из верблюжьей шерсти: носки, шапочки, безрукавки. Другие с ведрами предлагали молочные продукты: сыр, кислое молоко и напитки. Девочка бегала вдоль вагонов с ведрами, в которых плескалась вода из колодцев.

Те, кто вышли проводить Семена, просто не замечали назойливых продавцов. В это время милиционер Саша искал кого-то, оглядываясь вокруг, пока они не зашли в здание станции. Там, вдоль стены, стояли пустые скамейки, а над ними красовались лозунги с революционными призывами, написанные красными большими буквами на белой ткани. «Да здравствует социализм!» «Дело великого Ленина живет!» На другой стене – черно-белые портреты Маркса, Ленина и Сталина. Большая комната была пустой.

Саша двинулся к двери, и оттуда вышла худощавая фигура чекиста азиатской внешности. Он был совсем молод, скуласт, глаза у него были слегка раскосые. Оба милиционера обрадовались и крепко пожали друг другу руки.

– Это Соат, здешний сотрудник, – представил Саша. – Знаю его не первый год, он добросовестный работник, и на него можно положиться.

С лица Соата не сходила улыбка, и он не сразу понял, почему у этих людей хмурые взгляды. Надя же смотрела на молоденького сыщика с недоверием. На вид ему было лет двадцать и, главное, какой-то несерьезный. Впрочем, его лицо вмиг изменилось, стоило Саше рассказать о пропаже девочки. От изумления он стал качать головой:

– Очень странный случай! Как будто шайтан замешан в этом деле.

– Сам ни черта не пойму. Представляешь, ни одного свидетеля. Такого у меня еще не бывало. Да, знакомься, это родители девочки. Семен – ее отец – останется в Кизляре, он окажет вам помощь в поиске дочери. Соат, отведи товарища Розенталя в поселок, к начальнику милиции, и передай ему вот эту записку.

Из кармана широких брюк Саша достал свернутый листок. В письме мелким почерком было описано данное происшествие, и вывод был таков: вероятно всего, девочку похитил азиат, которого следует искать в пустыне. Едва Саша закончил говорить и стали прощаться, Евдокия Матвеевна обратилась к местному милиционеру:

– Товарищ Соат, а почему у вас такое странное имя? Соат – по-русски переводится «часы», не так ли?

Лицо местного милиционера повеселело всего на миг, но затем, вспомнив о горе родителей, он робко ответил:

– У нас есть обычай, какую вещь первым увидел родившийся ребенок, та становится его именем.

– Надо же, как любопытно! Выходит, вы увидели часы?

– Так говорят мои родители, и в самом деле у отца были часы на цепочке. В тот день они висели на стене, на гвоздике. Вот эти часы, – и он достал их из кармана.

С перрона донесся гудок поезда. Этот протяжный звук испугал Надю, ей было страшно возвращаться домой без дочки, без мужа. Семен крепко обнял жену и прижал ее к своему щетинистому лицу.

Супруги остались одни. Остальные отошли к входу.

– У меня такое чувство, – сказала Надя, – будто все это какой-то ужасный сон, и я никак не могу дождаться утра, чтобы страшное видение закончилось. Кажется, я говорю что-то не то. Я уже плохо мыслю: в голове туман. Береги себя и без всякой надобности не рискуй. Не знаю, что еще сказать.

– За меня не тревожься. Леночку я обязательно найду, и мы вместе приедем домой. Да, зайди ко мне на завод и расскажи директору о случившемся. Пока не известно, как долго задержусь в пустыне.

– Странно. Если помнишь, еще вчера ты не прочь был совершить путешествие по пустыне, и вот... Что это – злой рок судьбы?

– Надя, не надо об этом. Простая случайность, совпадение.

Милиционер Саша стоял у дверей и напомнил супругам, что сейчас поезд тронется.

Все заспешили к вагону. Лишь они взошли на тамбур, как колеса поезда стали набирать обороты. С грустью все махали рукой Семену. А инженер с саквояжем в руке отвечал им тем же. Его глаза были прикованы к лицу плачущей жены. Они были красными.

Когда Семен очнулся, то увидел рядом милиционера. С Соатом они зашагали в сторону поселка, который стоял ниже, в полукилометре по пыльной дороге. С ними же возвращались сельчане из поезда и те, кто торговал на вокзале. Шагая, Семен оглянулся назад: вокзальная площадка опустела. На душе стало тоскливо, ведь его оторвали от всего мира. Следующий московский поезд прибудет в Кизляр через неделю.

Семен и Соат шли между сельчанами: женщинами, невестками и подростками с уже пустыми ведрами. Их довольный вид говорил об удачной продаже. Об этом они делились друг с другом, но, заметив рядом Семена, они переходили на шепот, глядя искоса на чужака.

– Соат, что за гостя ты ведешь к нам? – спросила самая говорливая женщина лет пятидесяти, закутанная в широкий платок, как и другие.

Семен догадался, о чем эти люди спрашивают у своего участкового. Приезжий человек слегка улыбнулся им. Семен обратил внимание, что многие степные женщины уже не носят паранджу, лишь большие платки.

– Он приехал к Кириллову, у него к нему дело.

– А какое дело?

– Мне не позволено обо всем говорить без надобности.

– Ох, какой важный стал! Все равно завтра весь аул будет об этом болтать.

– Вот тогда и узнаете, а пока нельзя: не имею на то право, все-таки я человек государственный.

Они приблизились к первым домам. Поселок был с глинобитными домами, с плоскими крышами из камыша. Теперь эти средневековые строения уже не казались Семену экзотикой и наводили тоску. После потери дочери этот сказочный край утерять свою прелесть и выглядел каким-то мрачным. В душу несчастного отца запала обида.

Милиционер решил отвлечь гостя от печальных мыслей и стал рассказывать о своем поселке:

– Спасибо товарищу Сталину, что прислал к нам геологов и наш аул начал расти. Говорят, через лет десять здесь будет город. Геологи нашли под землей много золота, а значит, будут строить большой завод. Вот тогда и у нас появятся большие дома, как в Москве. А правду говорят, что в столице имеются такие высокие дома, что облака задевают?

От упоминания о Москве у Семена защемило в груди. В этот миг ужасно захотелось очутиться дома, в кругу семьи. Но пока он должен шагать по пыльной дороге и разглядывать жалкие домишки. Милиционер Соат повторил свой вопрос, так как ему показалось, что гость его не расслышал. Тогда Семен рассказал о строительстве в Москве двух высотных зданий

и добавил: возможно, их макушки и будут касаться облаков. А в общем, таких зданий хотят построить семь.

– Вот это да! Я никогда не видел этажных домов. Вот если бы у нас построили хоть один, пусть в три этажа.

– Если в вашем ауле будет завод, то такие дома тоже появятся.

– Эх, скорее бы! Говорят, тогда нам построят и большие магазины, дом кино, театр, после, может быть, какой-нибудь институт откроют. Лучше – геологический, я пошел бы туда учиться.

Этот открытый юноша сразу понравился инженеру, в особенности его желание учиться и изменить жизнь своего поселка.

– Семен Львович, кем вы работаете?

– Главным инженером на электромеханическом заводе.

– Сколько людей там работает?

– Около двух тысяч.

– Неужели такой большой? А что делают на вашем заводе?

– Выпускаем электродвигатели для всей страны. А теперь ты скажи, где так хорошо научился русскому языку?

Лицо Соата засияло, когда он услышал похвалу от столичного человека, да еще большого начальника. Соат гордился этим, потому что образованных людей в ауле очень мало, а это прямой путь к высокой должности. Об этом мечтал каждый сельчанин, ведь труд пастуха тяжел и не дает высоких доходов.

– Русскому языку меня научил Тимофей Николаевич, он начальник милиции. Сейчас мы идем к нему. Это очень хороший человек, он мне как родной отец. Это он взял меня мальчишкой на станцию и обучил слесарному делу. После работал с геологами, а когда Тимофеевича поставили начальником милиции села, он взял меня к себе. Я горжусь такой работой, потому что земляки уважают меня. Еще мечтаю в институте учиться.

– Знание – это великая сила, особенно сейчас, когда страна возрождается и без образованных людей заводы, фабрики не построишь.

– Тимофей Николаевич сказал, что через два года, когда я закончу вечернюю школу, меня отправят учиться в Москву. Мне не терпится туда. Москва уже во сне снится. Вы далеко живете от Красной площади?

– Как тебе сказать: не далеко и не близко.

– А с крыши вашего дома виден Кремль?

– Нет, не видно.

Милиционер вел гостя по улицам поселка. Пыли здесь было меньше. И все же штиблеты Семена утопали в горячем песке. Глянув на ноги гостя, милиционер, обутый в кирзовые сапоги, усмехнулся:

– Здесь такая обувь не годится. В наших песках имеется черный мураш, каракурт. Если укусит, то человеку конец. Вам нужны сапоги или ботинки. Я попрошу наших геологов, они дадут.

– Спасибо. А местных ребятишек не кусают каракурты, ведь они бегают босиком.

– Иногда случается, и они тихо умирают. Жалко. Что поделать, если обувь дорогая и не каждый семье по карману. Вообще-то, в таких случаях наш народ не сильно переживает, люди говорят: «Бог дал – Бог и взял». Мы привыкли к смерти детей, потому что наши женщины рожают почти каждый год и многие дети умирают. Я заметил, у русских не так. Два года назад работал у нас один геолог с женой, учительницей. Их сыну было лет пять, и вот как-то в темном сарае его укусила гюрза и бедный мальчик умер. Родители так страдали, что его жена заболела, говорят, с головой что-то случилось. Потом они уехали в Ярославль, но каждый год приезжают на могилу сына, представляете, из такой дали. Наши женщины редко бывают на могилах, да и уже не помнят имена своих детей.

Рассказ Соата напомнил ему о дочери: неужели сейчас Леночка там, у кочевых пастухов? Что она делает? Опять стало страшно. Чтоб как-то отвлечься от тяжелых мыслей, Семен принялся изучать поселок. Дома в ауле были столь обветшалые, что со стен осыпался песок. Дворы были не огорожены, и жизнь людей текла на виду. Женщины в старых платьях до пят занимались во дворе по хозяйству: кто-то стирал в корыте, другие крутились возле очага, третьи чесали овечью шерсть, расстелив ее на циновках. Их головы были повязаны платками, а лица – иссохшие от жары и ветров, и все же глаза смотрели на чужака живо. Их дети с шумом выбежали на дорогу и спрашивали у Соата: «Это новый геолог приехал?» Милиционер лишь кивал головой, чтобы детвора отвязалась. Гордо шагая, Соат был приветлив со всеми: улыбка, легкий поклон, прижав руку к груди. Как такого не уважать: молод и уже при власти. Ему навстречу двигались два старика верхом на ослах. Они тоже спросили о незнакомце. Соат не мог соврать и сказал почтенным людям: «Он приехал к Кириллову по своим делам». По инструкции, милиционер не должен разглашать информацию без разрешения начальника. Как объяснил Кириллов, это может нанести вред делу построения социализма, и особенно сейчас, когда врагов народа становится больше. По теории товарища Сталина, с развитием социализма классовая борьба усиливается.

Ближе к центру картина аула сменилась, и Семен увидел ряд современных домов из жженого кирпича, стены, крашенные в белый, голубой цвет. На этой улице находилась местная власть, милиция, больница и контора геологов.

Там Семен заметил русскую девушку, светловолосую, с короткой стрижкой. Она явилась из соседней улицы. На ней было желтое платье в черный горошек и соломенная шляпа. Лицо Соата вмиг расцвело, и его понесло к ней, он только успел сказать гостю: «Я сейчас, всего минуту». Оставшись один, Семен укрылся в тени низенького карагача и не сводил с них глаз. Соат что-то говорил ей, а девушка мило улыбалась. Даже издали были заметны сияющие глаза юноши. Впрочем, Семена это мало интересовало, и он стал разглядывать улицу. Так прошли минуты, и его начинали злить их любовные разговорчики. «Для этого он мог найти другое время. Мне бы скорее отыскать Леночку, тогда я буду самым счастливым человеком на свете», – сказал себе Розенталь.

– А я подумала, что вы геолог, – и Семен услышал женский голос за спиной.

– О вашем горе мне поведал Соат. Я весьма сочувствую вам, хочется быть чем-то полезной. Такое горе... Зовут меня Света, я из Самары, мои родители работают здесь геологами.

– Спасибо за теплые слова, за помощь. Вы тоже геолог?

– Будущий геолог, а пока студентка. Каждое лето приезжаю к родителям на практику. Приходите к нам – будем рады. Извините, мне надо идти: спешу в школу. По вечерам я еще даю уроки русского языка для местных жителей.

– Очень благородное дело – давать знания.

– Дело-то важное, а вот люди не понимают этого. Многие опять не ходят.

– Надо было мне сразу сказать! – возмутился милиционер. – Завтра же все будут ходить на занятия.

– Соат, мне не совсем по душе, что ты делаешь это насильно, под угрозой.

– Зато, когда станут образованными людьми, скажут мне спасибо, как я говорю Кириллову, что выучил меня грамоте. Семен поддержал Соата:

– По-своему, но Соат верно мыслит. Разве эти люди виноваты, что родились не в Москве, а здесь, в пустыне? Разве они виноваты, что их родители не знают, что такое образование, культура? Если их не заставлять, то в этой пустыне никогда не зацветут сады. Так что в этом случае сила оправдана. Надо быстро строить социализм, затем коммунизм, чтобы как можно больше людей увидели этот рай на земле.

– Лишь отчасти я согласна с вами. И все же лучше убедить людей, хотя, разумеется, на это потребуется время.

Однако Соат стоял на своем и даже готов был горячо спорить, твердя, что его народ понимает только силу и власть. Таким образом без принуждения тут не обойтись. Ему не терпелось изменить жизнь своего аула как можно скорее, и неважно, каким образом это будет сделано. Но Света прервала его, напомнив о своих занятиях в школе. Она заспешила по улице, перекинув кожаную сумочку через плечо. Соат проводил ее глазами и тяжело вздохнул.

– Она тебе нравится? – спросил Семен.

– Да, очень, – и юноша стыдливо опустил голову за свою откровенность.

Некоторое время они шли молча. Внезапно Семена осенила мысль: разговор о любви этого азиата к русской девушке может ему раскрыть психологию кочевника-похитителя и ответить на вопрос, способен ли кочевник на такое? Верна ли версия милиционера Саши, что девочку могли украсть, чтобы сделать из нее невесту?» Поэтому Семен завел беседу о чувствах Соата:

– Любовь – это прекрасное чувство, и не нужно его стыдиться.

– Я хочу, чтоб Света стала моей женой, но не знаю, как она... – и снова смутился.

– А чем тебе не по душе местные девушки. Это твой народ, они ближе.

Семен задал этот вопрос намеренно.

– Сам не раз думал о том же.

– Не стыдись меня, говори все, что на душе. Для меня это важно.

– Она нравится из-за желтых волос, белой кожи, глаза какие-то красивые. И одевается как-то просто, красиво. Наши девушки не такие, совсем не такие: кожа темная, глаза узкие, платье некрасивое, как мешок. Еще лицо скрывают платком, когда видят мужчин.

– Скажи, а другим вашим парням тоже нравятся русские девушки и они хотели бы иметь светлых жен?

– Думаю, да. Местные парни не отказались бы от таких невест, если те захотят жить по мусульманским обычаям.

– А как их родня отнесется к невестке-иноверке?

– Такая им не нужна. Например, я знаю, что моя мама будет против Светы, хотя весьма уважает ее родителей и вообще русский народ. Да, мама работает у геологов, уборщицей.

Здание милиции оказалось маленьким и прилегало к другим – из жженого кирпича с черепичной крышей. У крыльца стояла коляска, обтянутая черным брезентом. Как только они вошли туда, Семен ощутил приятную прохладу. В полутемном коридорчике на скамейке дожидались начальника двое мужчин средних лет в легких изношенных халатах и чалме. Как требует того обычай, Соат поздоровался с каждым, спросил о делах, о здоровье и после завел Семена в кабинет.

За столом сидел мужчина лет пятидесяти крупного телосложения с большой лысиной и пышными усами. Его фуражка лежала рядом с папками и стеклянной круглой чернильницей. Увидав приезжего с культурной внешностью, начальник милиции решил, что это какой-нибудь проверяющий чиновник из области. Кириллов вышел из-за стола и крепко пожал ему руку. Соат представил гостя:

– Это Семен Розенталь, он из Москвы.

Кириллов удивился еще больше: каким ветром занесло столичного человека в их степь? Тогда Семен рассказал об исчезновении дочери и просил срочно организовать поиски. Начальник выслушал столь невероятную историю, и его лицо приняло озабоченный вид. Даже для него – знатока Азии – этот случай просто загадочный. И тут Соат вынул из кармана свернутый листок и протянул начальнику:

– Это от милиционера Саши Шведова с московского поезда.

Кириллов вернулся к своему рабочему столу и уткнулся в письмо. Соат сел рядом с Семеном, и оба уставились на главного милиционера.

– Товарищ Розенталь, кем вы работаете? – спросил он, дочитав до конца.

– Главным инженером на электромеханическом заводе.

– Вы член партии?

– Да, с 1928 года. Но какое это имеет отношение к поиску моей дочери?

– Причина этого преступления мне видится в следующем. Я не исключаю, что это политическое дело: скажем, враги социализма решили навредить вашей семье, то есть семье большевика. Вы же сами знаете, да и в газетах постоянно пишут об активности врагов народа. Они хотят подорвать экономику нашей страны и политику товарища Сталина. Поэтому, согласно инструкции, в первую очередь я должен проверить версию политического преступления.

– В этом деле нет никакой политики, – возразил Семен. – Я не столь крупный начальник, чтобы затевали против меня такую провокацию, да ко всему же в пустыне. Ну, сами посудите?

– А вам не пришло в голову мысль, что поезд могли остановить умышленно, якобы для ремонта?

– Хорошо, но зачем им красть ребенка, для чего?

– Чтобы шантажировать вас и заставить заниматься вредительством на вашем же заводе. Я бывший слесарь и знаю, что моторы вашего завода весьма важны для страны, это сердце промышленности. Вы знаете не хуже меня.

– Чтобы нанести ощутимый урон нашему заводу, надо взорвать весь завод, это невозможно, потому что у нас огромная территория.

Начальник погрузился в раздумья и уже слегка остыл:

– А что, если они решили шантажировать вашего брата, желая сорвать строительство завода в Самарканде? Ведь такое возможно? – не унимался он.

– И тут не согласен. Если у врагов было такое намерение, эту провокацию устроили бы в Самарканде, незачем было ехать в пески.

Семен же начал злиться. Для него стало очевидным, что этот политизированный чиновник не желает принять версию Шведова. И это его напугало: «А вдруг Кирилов не захочет идти в пустыню?» Что же тогда делать? Он сам не может идти туда, это верная гибель.

– Семен Львович, расскажите о вашем попутчике по купе. Что за человек: прежде всего, из какого сословия и чем занимался в Ташкенте?

Семен уже с трудом сдерживал гнев, иначе послал бы его ко всем чертям. Но ради дочки сдержался, ведь судьба Леночки в его руках

– Он из дворян и более года работал в народном просвещении Узбекистана.

– Значит, из дворян, буржуа, это уже любопытно. А вам не приходило в голову, что он может быть причастен к исчезновению вашей дочери?

– Нет! Когда это случилось, Владимир Николаевич сидел напротив и мы играли в шахматы.

– Тогда, может, его жена? Что она за человек?

– Она из крестьянской семьи, – и голос Семена нервно задрожал.

Между тем Кириллов встал, закурил папиросу и открытую коробку протянул гостю, но тот отказался, качнув головой. После Кириллов принялся расхаживать по комнате, пока не застыл у яркого окна. Его раздумья были недолгими, и он обернулся к Семену:

– Ну хорошо, давайте обсудим версию Саши, хотя идея о похищении мне не по душе. Однако это не означает, что я не уважаю Сашу: он грамотный, преданный сотрудник.

И из души Семена вырвался облегченный вздох. Кирилов вернулся к своему столу и продолжил:

– Я понимаю ваше состояние, но и вы поймите меня. По всей стране развелось столько вредителей. Об этом часто напоминает товарищ Сталин, товарищ Ягода, говорят на всех собраниях, пишут в газетах. Потому мы, чекисты, должны быть бдительными.

– Тимофей Николаевич, прошу вас, давайте займемся моим делом. У меня пропала дочь, сейчас она ждет отца, а я сижу здесь! – воскликнул отец.

– У меня тоже есть дети и даже внук, – повысил голос начальник, давая понять гостью, кто здесь хозяин. – Версия Шведова мне кажется неправдоподобной, потому что таких случаев у нас не было, чтоб крали русских детей. У самих целая куча и не знают, как прокормить их. Да и мусульманам не нужна русская невеста. Уж поверьте мне, я живу среди них пятнадцать лет и знаю этот народ. Начал я мастером на станции, а в гражданскую воевал против басмачей и повидал всякого.

Кириллов взяв графин, наполнил стакан и поднес гостью. Семен поблагодарил и разом осушил стакан. Затем начальник обратился к своему помощнику:

– Соат, твое мнение по этому делу, что думаешь?

– Таких случаев у нас не было. Но такое могло произойти. Если такое случилось бы в ауле, то уже на другой день все узнали бы. Но в пустыне – это другое дело. Найти там человека непросто. В песках пастухи живут одной большой семьей, и больше никого. Иногда кочуют, когда в колодце высыхает вода. Нужно знать точное место их стойбища, иначе не отыскать.

– Ну что же, – заключил начальник милиции, – если и ты считаешь, что такое возможно, то будем искать девочку в пустыне. Путешествие будет трудным и опасным, ведь мы не знаем их точного места. Задача не из легких.

– Но ведь нам известно, что кочевники обитают где-то рядом от железной дороги?

– Этого недостаточно: в пустыне не у кого спросить, там нет ни дорог, ни тропинок. Да и этот кочевник мог явиться туда издалека. Пока не узнаем точного места, нельзя туда отправляться.

– Я бывал с геологами в тех местах, но там нет стойбища пастухов, – сказал Соат. – Говорят, есть дальше. В таком случае этот пастух пришел оттуда.

– Сколько километров до того стойбища?

– Не знаю, но на верблюде можно добраться за три-четыре дня. Там бывали наши геологи, и говорят, там есть большой колодец.

Между тем Кириллов уже ходил по комнате, он стал рассуждать вслух: «Хотелось бы знать, по каким делам этот пастух шел к железной дороге, что ему там понадобилось? Может, любовался поездом, ведь для них это диковинка, чудо? Скорее всего, в тех краях он пас овец. Ладно, не будем гадать. Надо отправляться в пустыню.

В душе Семен возликовал и спросил у Соата, кто знает туда дорогу, кто поведет меня?

– Есть пастухи, которые бывали там, но они не пойдут туда. Как вам объяснить...

– Если нужны деньги, я отдам свое золотое кольцо.

– Дело не в деньгах, – ответил Кириллов и сам пояснил: местное население не хочет сотрудничать с милицией. Если они помогут иноверцу, то сельчане будут осуждать, мол, продал своего, то есть мусульманина. Этого они боятся больше всего.

– Но ведь речь идет о преступлении! – возмутился Семен.

– Все равно, против своих они не пойдут, ведь с этим обществом им жить. Они могут уважать русских, но... свой есть свой.

– Нам помогут геологи. Они не откажутся. От нас как представитель власти пойдет Соат. Он знает местные обычаи, язык и предан социализму. Если это версия подтвердится, наш человек арестует похитителя и доставит сюда. Соат, тебе хорошо известно, что дело опасное. Будь осторожен, они своего человека так просто не отдадут. Тем более это их родня. Главная ваша задача – отыскать девочку, а с разбойником после разберемся. А теперь идемте к геологам.

Контора геологов находилась рядом, через два строения. Во дворе лежали груды разных камней. Дверь оказалось заперта, когда Кириллов дернул на себя. В это время из дальней комнаты – лаборатории – вышла загорелая русская женщина средних лет в сером халате. Она-то сказала им, что начальник ушел домой. Так как дело было неотложным, то пошли к нему. Геологи жили на окраине. Дом имел приятный вид: стены ровно отштукатурены пахсой и окра-

шены в розовый цвет. Двор огорожен низким частоколом из камыша. Внутри росла яблоня, урюк и виноградник, который тянулся верх до крыши дома.

Дверь дома была открыта, и начальник милиции окликнул хозяина – Александра Ивановича. Из комнаты вышла его жена в легком цветастом платье до колен с большим вырезом. Ольга Михайловна глянула на них как-то равнодушно и без слов завела в комнату. У круглого стола хозяин дома успел надеть желтую рубашку и застегивал пуговицы. Александру Ивановичу было лет пятьдесят, а может, старше. Впрочем, трудно определить возраст человека, у которого густая борода и пышные усы. Геолог встретил начальника милиции довольно сухо и лишь гостью и Соату улыбнулся, крепко пожав руку. Когда садились за круглый стол, Семен успел окинуть комнату взглядом. Книжный шкаф был заполнен книгами, видимо, по геологии и художественной литературой. На нижних полках лежали какие-то толстые папки, еще ниже – образцы красивых минералов. В этой же комнате, в углу у окна, стояла железная кровать, заправленная старым цветным одеялом. Там же коричневая тумба с задвижными полками.

Хозяйка дома поставила на стол широкую тарелку с желтыми яблоками и красным виноградом. Хозяйка уже собралась выйти из комнаты, как слова Кириллова заставили ее задержаться у двери.

– Вот, знакомьтесь, это Семен Львович, он из Москвы, – и он стал рассказывать об исчезновении дочери инженера.

Едва Кириллов договорил, как хозяйка воскликнула: «Какой ужас! Какой ужас! Как такое могло случиться – это просто чудовищно!» Лицо Ольги Михайловны сразу оживилось, и она с жалостью глянула на несчастного отца. А ее муж от негодования нахмурил брови.

Далее Кириллов рассказал о версии Шведова, и тогда Ольге Михайловне стало ясно, зачем чекисты явились к ним:

– Без всякого сомнения мы поможем, ведь такое горе, – решительно сказала хозяйка

– Обязательно, как же иначе, – подтвердил муж.

– Вы уже догадались, что в пустыне нам нужен будет проводник, – сказал Кириллов начальнику геологической партии. – Соат сказал, что ваши люди бывали в тех местах?

– Есть в нашей партии человек, который изучал этот район. Сейчас он здесь: только вчера вернулся с полевых работ. Уверен, что он не откажется.

– От милиции туда отправится Соат и сам Семен Львович желает пойти.

Тогда главный геолог поинтересовался у Розенталя о его здоровье и предупредил, что путешествие будет тяжелым, особенно для него. И в пути никто не должен быть обузой, иначе придется вернуться.

– Ради дочери я все осилю, надо будет – камни буду грызть!

– Признаться, это версия, мне кажется не совсем убедительной. Как-то не верится, чтобы кочевник мог похитить ребенка ради такого дела. Хотя, кто знает, что на уме у этого азиата. Порой поведение местных людей нам кажется странным, однако это только на первый взгляд. Мы мало знаем об их духовной стороне жизни и судим о них поверхностно. Чтобы понять их, следует заглянуть в историю этих людей, обычаи и религию.

– У вас имеется другая версия? – спросил Кириллов.

Александр Иванович задумался и мотнул головой:

– Увы, к сожалению, ничего.

– Значит, решено, – заключил Кириллов. – Не будем терять времени, пусть завтра же отправляются в путь. Соат, я поручаю тебе сегодня же найти одного верблюда и продукты.

– Верблюда я найду, а вот с продуктами, вы же сами знаете, что сейчас трудно...

– Для доброго дела можно конфисковать у зажиточных пастухов немного мяса.

Такие слова задела Александра Ивановича, и он сразу занервничал.

– Вот этого не следует делать: тем самым вы настраиваете местный народ против нас, русских. И без того многие недовольны новой властью.

– Мы сами найдем продукты, – сказала Ольга Михайловна, и все мужчины обернулись к двери, – наши геологи поделятся своими пайками, только не учиняйте беззаконие.

Кириллов попытался оправдаться:

– Конфискация для доброго дела, для бедных людей и для защиты социализма, это оправдано, это вынужденная мера. На этот счет у нас даже есть негласная инструкция.

– Насильно отбирать у людей, пусть даже для нужд бедных, все равно это преступление. В конечном счете это приведет к массовому произволу и перегибам в политике. На эту тему мы уже говорили с вами, и наше мнение никогда не изменится.

– Я тоже непоколебим в своих революционных убеждениях. Во имя построения социализма иногда надо чем-то жертвовать.

– Но не таким же путем!

Кириллов не стал далее спорить, зная твердый нрав этой женщины. К тому же он уважал геологов за образованность, за их полезную работу для страны. Правда, чрезмерное свободомыслие этих людей и критика новых законов были ему не по душе.

На этом их разговор закончился, и Кириллов ушел к себе в контору, а Соат отправился к пастухам просить верблюда и бурдюки для воды. Семен же по просьбе хозяев дома остался у геологов. Эти добродушные люди сразу пришились ему по душе.

– Я так благодарен вам, что не хватает слов.

– Не стоить благодарить, – сказал Александр Иванович и махнул рукой, когда они остались за столом одни. – Нам без доброты нельзя, иначе в полевых условиях не выживем.

А между тем хозяйка ушла на кухню, сказав: «Сейчас я принесу чая, варенья».

– К сожалению, в Москве с каждым годом доброты становится все меньше, – продолжил Семен. – Люди стали осторожными, потому что растет недоверие друг к другу. Впрочем, это вполне естественно, ведь кругом враги народа, и приходится быть бдительным. Уверен, что это временное явление. Без этого социализм не победит.

– Не знаю, какие у вас там враги, но у нас арестовали трех невинных людей. Один из них наш главный геолог, Самсонов, и еще два зажиточных пастуха из аула. Самсонов не только опытный специалист, но и ученый, и ко всему хороший человек. Тут мы друг о друге все знаем. И представляете, его объявили вредителем, якобы он умышлено срывает сроки геологических исследований. Какая дикая чушь! Все были возмущены. Такие обвинения могут выдвигать люди, которые ничего не смыслят в нашей профессии. На самом же деле арест Самсонова связан с его критическими высказываниями о политике Сталина. И вот по доносу нашего начальника милиции его посадили и дали десять лет лагерей. И самое страшное: Кириллов искренне верит в свою правоту. Мы боимся, как бы он не испортил Соата. Он хороший юноша, стремится к знаниям, но чему он научится у Кириллова?

В комнату вошла Ольга Михайловна с самоваром и установила его посередине стола. Затем строгим голосом обратилась к мужу:

– Ты опять о политике. Смотри, и тебя Кириллов может арестовать. А ты подумал обо мне, о Свете? Ты Кириллова не изменишь.

– Ну ладно, не будем об этом. И в самом деле, у нас гость, а мы о таких вещах. Семен Львович, расскажите нам о Москве, о культурной жизни столицы.

Хозяйка села напротив. Затаив дыхание, они слушали о новинках кино, жизни известных артистов, писателях, о новых книгах, театральной жизни.

Вскоре из вечерней школы вернулась их дочь Света. С гостем она уже была знакома. А когда за окнами начало темнеть, в комнату вошли еще два геолога с женами. Они жаждали увидеть московского гостя и узнать о новостях столичной жизни не из партийных газет, а из уст очевидца. По такому случаю Александр Иванович принес из кладовки два графина

вина собственного приготовления. Правда, вино оказалось еще слегка незрелым, но ради гостя... И прежде чем продолжить разговор о столичной жизни, обсуждали историю о пропажи Леночки. Оба геолога тоже выразили желание отправиться на поиски. Но Александр Иванович был против, потому что никто из них не знал туда дороги.

– Я пошлю Карыгина, он там был, – сказал начальник.

– Он сильный ходок и хорошо ориентируется в местности, – согласился один из геологов, – но имеет большой недостаток: во время маршрута может напиться и подраться с кем угодно. Когда он пьяный, с ним лучше не спорить.

– Перед дорогой я строго поговорю с ним.

Затем гости заговорили о новинках литературы, кино и разошлись за полночь.

Кочевники

На следующее утро, с первыми лучами восходящего солнца, к дому начальника геологической партии стали стекаться люди. В летнюю пору это самое приятные часы: жгучие лучи еще не успели накалить землю.

Первым с верблюдом на поводке пришел Соат. На горбу животного свисала большая вязаная сумка с карманами по бокам. Сам милиционер имел столь необычный вид, что Семен не сразу признал его. Теперь он походил на истинного азиата: старый халат с желтыми полосами и мохнатая шапка туркмена.

– Воды достаточно набрал? – с гостем Александр Иванович подошел к его верблюду, привязанному под окном дома.

Не говоря ни слова, Соат раскрыл сумку и показал два кожаных бурдюка. На другой стороне было еще два. Семен обрадовался: пока все складывается удачно, без задержек. Он даже подшутил над Соатом:

– В таком ватном халате тебе не будет холодно.

И впервые на лице московского гостя Соат заметил легкую улыбку.

– Смейтесь надо мной, но когда будем в пустыне, то вы будете умирать от жары, а я буду смеяться над вами.

– А ведь он прав, – подтвердила Ольга Михайловна, стоявшая у очага с шумовкой, – как ни парадоксально, но в теплой одежде жара переносится легче.

Хозяйка дома перемешивала в казане пшеничную кашу. Затем положила ее в большую керамическую тарелку.

– Это только для вас, путешественников, – сказала хозяйка Семену, Соату и повела их в комнату.

Уже за столом, кушая необычную кашу, Семен сказал Соату, что лишь сейчас он догадался, почему в жару азиаты носят теплую одежду и при этом им прохладно. И затем объяснил природу этого явления на основе законов физики. Юноша не все понял, но в его глазах искрился большой интерес к науке.

В комнату вошел Александр Иванович с чайник и сел рядом. Заметив, что гость съел каши совсем мало, геолог стал настаивать:

– Я понимаю, эта каша вам не по нутру, тем не менее она весьма питательная и в дороге даст силы. Так что как-нибудь до конца съешьте.

Со двора кто-то окликнул хозяина дома. И когда Александр Иванович вышел из комнаты, Соат тихо спросил у Розенталя:

– Как вы думаете, если я стану более образованным, то Света полюбит меня?

– Это она тебе так сказала?

– Сам чувствую: она не любит меня, потому что я плохо разбираюсь в науках и ей со мной неинтересно, как с другими геологами. Мы просто хорошие друзья, но мне этого мало.

– Тогда учись, русские люди тебе здесь помогут. Если ты хочешь, чтобы Света полюбила тебя, стань к ней ближе по духу, по культуре. Как это бывает у близких друзей.

– Но придется долго ждать. А без этого духа Света не может влюбиться в меня?

– Мне думается, нет. Культурные люди, подобные Свете, предпочитают близких себе по духу. Скажу более точно: ей нужен человек, который интересуется литературой, музыкой, искусством, а также ценит доброту, честность. И неважно, какой профессии этот человек.

– Но ведь я же люблю Свету без всякой духовности. А разве она не может любить, как я. Я тоже имею приятное лицо.

– Красивая внешность для нее не главное, и вот почему. Красота с годами меркнет, а вот душа человека нет. Душа куда интереснее, чем лицо.

– Что-то не совсем понимаю вас.

– Давай об этом поговорим, когда вернемся. Тогда у меня будет совсем другое состояние.

Этот милый азиат пришелся гостю по душе, и Семен про себя отметил, что этому юноше явно везет: волею судьбы он очутился среди интеллигентных людей, иначе стал бы пастухом. Как важно, чтобы в твоей жизни встретились такие люди: сильные педагоги, умные и добрые люди, которые покажут тебе верный путь. У жителей Кизляра таких возможностей совсем мало, по сравнению с москвичами, а у парижан их значительно больше, чем у москвичей. И в этом смысле Соату очень повезло, что он вырос среди геологов. Его мать рано овдовела и осталась с тремя детьми. Тогда-то она устроилась уборщицей в контору геологов, а они обучили Соата читать книги, сличать минералы, пока не зародилась тяга к знаниям.

Со двора донесся чей-то молодой басистый голос.

– Это Карыгин пришел, – сказал Саот. – Значит, уже можно трогаться в путь. И выпив чая, они вышли во двор.

Карыгин оказался невысоким крепышом с большой лысиной на голове. Ему было около тридцати. Пожимая руку гостю, он выразил сочувствие и уверенно произнес:

– Если ваша дочь там, мы непременно отыщем ее. Вот еще что, Семен, вам надо бы сменить одежду, для такой «прогулки» она не подойдет.

Александр Иванович стоял рядом и ответил:

– Об этом я уже позаботился. Для Семена Львовича подыскали ботинки и полевую куртку. Что еще хочу сказать, если ваша дочь у пастухов, то сильно не переживайте: они не столь жестокие люди и не обидят ее. Не думайте о них совсем плохо.

– Они украли ребенка, разве это не злодейство, и вы говорите о сочувствии к ним?

– Я понимаю ваши чувства, и все же у азиатов своя культура, свое мировосприятие. Украсть девочку, как будущую невестку, для них не такой большой грех. На эту тему мы еще побеседуем, когда вернетесь сюда с дочкой.

Семен крепко пожал ему руку. В это время к дому геолога подошел Кириллов с цветастым мешочком и протянул его Семену со словами:

– Вот, от меня немного сухофруктов: урюк, изюм, орехи.

Следом за Кирилловым явились два геолога, с которыми Семен познакомился вчера вечером. Один из них скинул с плеч рюкзак, раскрыл его на земле, а там: сухари в мешочке, палочка конской колбасы, масло в стеклянной банке, старые ботинки и зеленая куртка из плотной ткани.

– Это от всех геологов, – сказал начальник партии. – Саот, заberi продукты, а вы, Семен Львович, примерьте вещи.

Гость снял свои штиблеты, обвязал ноги портянками и засунул их в ботинки – они оказались по размеру, а вот куртка слегка маловата, рукава короткие.

Вот и выпал случай стать Семену путешественником, хотя мысль о дочери лишала его всякой романтики. Кто знает, может быть, именно в эту минуту Леночка стоит у юрты, плачет и ждет своего отца. Сегодня ночью Семен уже видел такой страшный сон и проснулся в поту.

Всем хотелось проводить в путь несчастного отца. Впереди шел Соат со своим начальником, ведя верблюда за поводок. Двугорбое животное шло неторопливо и важно, висячие сумки болтались по его бокам. Из той же сумки торчала винтовка Карыгина, а милиционер хранил свой пистолет внутри халата. Еще три года назад в песках скрывались басмачи, но говорят, они ушли в Иран. По оперативной сводке все-таки малые группы проникают в пустыню или в горы, чтобы грабить колхозное стадо. Начальник милиции шел рядом с Соатом и давал ему наставления, каким образом доставить похитителя в Кизляр, если это версия подтвердится.

Геологи следовали за верблюдом, и никто не собирался давать советов опытному путешественнику Карыгину. Света шла рядом с отцом, поглядывала в спину Соата и в душе усмехалась.

У железной дороги стали прощаться: дальше выжженная степь, а за ней – пески. Три путника направились туда, в бескрайнюю равнину. Все махали им вслед.

Первый день пути оказался для Семена не столь утомительным. Степь была ровной: ни подъемов, ни спусков. Иногда из-под высохшей травы выбегали ящерицы, бывало выползали змеи, а черепахи просто замирали на месте, сжав под себя лапки и голову. Среди змей встречались и ядовитые – коварная гюрза и красавица эфа. В таких случаях геолог молниеносно подбегал к рептилиям и с помощью рогатины ловко прижимал голову змеи к земле. Затем он рассказывал о них. Так геолог научил Семена распознавать ядовитых от безвредных. Громче всех шипела мощная гюрза, сдавленная к земле сапогом Карыгина. И геолог предупредил:

– Бойтесь гюрзу: она коварна и нападает без всякого предупреждения. Если ее укусы глубокий, то шансов остаться в живых мало. Другие ядовитые сами убегают от людей, разумеется, если не наступить на них случайно. Так что чаще глядите под ноги.

– А гюрза может прокусить ботинок? – спросил Семен, и на его вопрос ответил Соат, усмехнувшись.

Он рассказал, как эта змея своими клыками вонзилась в его кирзовый сапог, к счастью, не задев саму ногу.

После этого на какое-то время Семен смотрел себе под ноги. Однако в середине дня он так устал, что стал забывать об опасности. Почти весь день путники шли молча и лишь во время короткого привала, сидя на земле, Карыгин рассказал о своих приключениях в Сибири: как чуть не утонул на реке Лене и о том, как охотились на медведей в тайге. Слушая геолога, Семен завидовал ему, потому что ему нечем было похвалиться, а хотелось бы. Вся его трудовая жизнь прошла на одном заводе, постоянная борьба за выполнение плана, на пределе нервов. Это он не считал чем-то героическим. И лишь редкие выходные удавалось сбежать из города в лес или к реке. А зимой – в театр, в библиотеку, на концерты.

В первый день они прошло большое расстояние и на ночлег остановились уже в песках. Начинало темнеть. Соат расстелил на земле плотное одеяло, и все вытянули свои уставшие ноги. Первым делом Карыгин закурил, свернув махорку в газетный листок.

– Запах табака напомнил мой завод, – сказал Семен, – там многие курят, кроме меня. В студенческие годы я тоже закурил, подражая старшим товарищам, но такое увлечение быстро прошло.

– А я с четырнадцати закурил, – усмехнулся Карыгин, – тоже хотел выглядеть старше своих лет, чтобы меня боялись ребята с Никитинской улицы – мы с ними частенько дрались. Зато нынче без махорочки не могу. Соат, а ты когда-нибудь курил?

– Как-то в поле геологи угостили, но увидел Александр Иванович и сказал, что это плохое дело. Я уважаю его и потому больше не курил.

– Ну и зря, не надо отказывать себе в удовольствии, ведь живем всего один раз. Лучше короткая, но красивая жизнь в удовольствие.

– Смотря что понимать под словом «красиво», – заметил Семен.

– У каждого свое удовольствие и неважно – глупое оно или умное.

– А разве не обидно будет прожить жизнь, а в старости понять, что это был обман, ненастоящее счастье?

– В своем счастье я уверен: люблю приключения, застолья, женщин, иногда могу почитать увлекательную книжку, правда, не слишком умную. Зачем усложнять жизнь?

Семен был не согласен и все же промолчал: как бы геолог не обиделся, ведь от него зависит жизнь его дочери.

После короткого отдыха все разбрелись в поисках сухих веток саксаула. Уже были сумерки. Далее Карыгин установил на треножке котелок, и под ним запыхал костер. В этот день они стоговарили рисовую кашу и добавили туда немного верблюжьего жира – так сытнее. И как

только геолог объявил о ее готовности и сняли котелок, Соат мигом засыпал песком пылающие угли, пояснив гостю: «Ночью на свет огня могут приползти змеи и ядовитые пауки».

За едой, держа миски в руках, они делились впечатлениями первого дня. Особо много говорил Семен. Оказалось, безжизненная пустыня таит в себе много интересного. Остальные молчали: для них этот мир был давно знаком и даже надоел. Карыгин предложил лечь спать:

– Завтра будет трудный день, потому что начнутся барханы. Сегодня была прогулка.

Но прежде чем лечь на широкое одеяло, Соат принес мешок с овечьей шерстью и разложил ее вокруг ночлега.

– Что он делает? – спросил Семен, и геолог, который уже лежал на боку, усмехнулся:

– Так делают пастухи. Они думают, что шерсть остановит каракуртов, скорпионов. Я не верю. Мы с ребятами проделали этот эксперимент, и шерсть не остановила этих гадов.

– Значит, они могут заползти к нам?

– А почему бы нет, вы что святой? – и Карыгин засмеялся. – Да вы не бойтесь, такие случаи редки.

Семен успокоился. Все-таки обидно умирать от укуса какой-то маленькой твари в расцвете сил, к тому же сейчас, когда еще не нашел дочь.

Ночью пустыня стала пробуждаться. За дневным зноем из нор вылезли мелкие животные, и со всех сторон стал доноситься то шорох, то свист, то гудение, то далекий вой. Пустыня ожила. Прислушиваясь к звукам, Семен заснул – усталость взяла свое.

На рассвете первым встал Соат. Для азиатов это обычное дело: они просыпаются рано, чтобы успеть к первой молитве. Впрочем, как настоящий комсомолец, Соат был неверующим человеком, а вставал рано по семейной привычке. Пока все спали, юноша сварил кашу из пшена, а затем разбудил остальных.

Открыв глаза, Семен вспомнил о тварях. И первым делом окинул взглядом поверх своей одежды, но ничего не заметил. Затем поднялся с места, сделал пару шагов, но боль обожгла ноги – вчерашняя ходьба дала о себе знать.

Семен хотелось умыться, и он спросил об этом у геолога. В ответ Карыгин шутливо пояснил:

– Воду нужно беречь, и потому будем умываться своими слюнями – и, помочив палец во рту, провел вокруг глаз.

Все засмеялись.

Завтрак был коротким, затем Соат уложил вещи в мешок и повел верблюда между барханами.

В пути они стали узнавать друг о друге все больше. Оказывается, у Карыгина есть жена и сын. Еще год назад его супруга работала здесь геологом. Пробыв в Кизляре год, она с дочкой вернулась в Ленинград. А мужу сказала, что полевая жизнь ей надоела. На этот раз он не смог уговорить жену, и в доме был большой скандал. Так Карыгин остался один и почти не сожалел. По своей природе он бродяга и довольствовался своей профессией, говоря всем, что настоящему геологу в городе делать нечего. Там скучно, нет приключений.

Соат же о своей жизни поведал в двух-трех словах. Он ничего не видел, кроме этого поселка и пустыни.

У Семена была иная судьба. Он сын старого большевика. «До революции мы жили на Украине, в еврейском поселке. Отец погиб во время еврейского погрома, защищая семью. Я рано вступил в партию большевиков, чтобы изменить этот несправедливый мир, потом был московский институт. Мечтал стать историком, но наш горком партии рекомендовал мне стать инженером: страна очень нуждается в таких специалистах. Вот и все».

Если в начале пути картина барханов очаровала гостя, то на следующий день этот желтый ландшафт стал надоедать. Это словно приевшаяся картина, которая годами висит у тебя на стене, и ты уже не замечаешь ее красоты.

В пути, ступая по мягкому песку, Семен решил мечтать о чем-то приятном. Это придавало ему силы. И такой мыслью могла быть только встреча с Леночкой. В своем воображении он стал рисовать картину о том, как в юрте кочевников они все-таки нашли его дочь. Разумеется, то была весьма трогательная сцена. Далее – обратный путь. Но на этом история не заканчивается, потому что следом за ними идут кочевники, и временами они стреляют друг в друга, а по ночам в лагере они ведут дежурство с ружьем. С такими невероятными приключениями они, наконец-то, добираются до Кизляра. Затем на поезде счастливый отец и дочь едут домой, в Москву. На перроне их провожают добрые геологи. И уже в семейном кругу с волнением они рассказывают о своих приключениях. «Главное в этой истории, – себе Семен, – чтобы конец был счастливым».

А между тем путники устроили очередной привал, сев на песок. И первым делом Соат наполнил жестяную кружку водой из бурдюка и поднес ее гостю. Семен выпил залпом: ужасно хотелось еще. Казалось, палящее солнце иссушило всю его кожу, и он стал словно мумия. Однако нужно было беречь воду, кто знает, сколько еще дней они будут ходить по пустыни. Затем Соат – отвечающий за хозяйство – раздал сухари и сушеный абрикос.

– Нам надобно вздремнуть хотя бы с часок, – сказал Карыгин, зевая.

Хотя Семен был сильно уставший, и все же он воспротивился:

– Может, не стоит нам тратить на это время, я еще могу ходить?

– Короткий дневной сон даст свежие силы, и мы пройдем еще большее расстояние.

И стоило изнуренному телу Семена лечь на старое одеяло, как он мгновенно провалился в сон. Все заснуло, закрыв головы шапками, и лишь верблюд остался стоять на месте.

Минул час совсем незаметно, будто то была минута. Первым встал геолог и разбудил других. В самом деле дневной сон дал силы. Идти стало гораздо легче, хотя к вечеру вернулась прежняя усталость. Ноги вязли в песке, и подъемы на барханы давались из последних сил. Все это замедляло движение.

Еще два часа, и Семен ощутил каменную усталость в ногах. Он стыдился своей слабости, ведь они идут ради его дочки, а ее отец плетется сзади, с трудом отрывая ноги от земли. Ко всему же во рту пересохло, а голова нагрелась, точно раскаленный шар. Самым крепким был Карыгин, который подбадривал гостя шутками.

И только с сумерками геолог объявил привал. Семен сразу опустился на горячий песок, и от покоя все тело испытало невероятное наслаждение. Казалось бы, всю жизнь так лежать и не двигаться. Однако нужно собирать дрова, пока не стемнело, и Семен встал на ноги.

– Семен Львович, сегодня вы можете лежать, мы сами, – сказал милиционер и зашагал к большим кустам саксаула.

Карыгин же сидел с котелком и чистил рис от камушков. Верблюд глядел на него, видимо, ждал еды. Внезапно вернулся Соат без дров, лицо у него было испуганное. Что случилось? Он показал рукой в сторону саксаула:

– Там кобра, на сухой ветке. Хорошо, что во время заметил.

Карыгин отложил котелок в сторону, снял ружье с горба верблюда, и они пошли туда. Уставшему Семену хотелось увидеть живую кобру, поэтому он поплелся за ними.

Когда они дошел до кустов саксаула, змея уже вилась по песку, оставляя волнистый след. Карыгин резко преградил ей путь. Кобра встала как свеча, угрожая своим шипением и высоко выводя тоненький язычок. Карыгин усмехнулся и стал дразнить змею дулом винтовки, тыча ей в морду. Та же бросалась, безуспешно пытаясь укусить. Все смеялись.

– Поиграли, и хватит, – объявил Карыгин и выстрелил ей в голову, точнее, в капюшон. Змея упала на песок и более не шелохнулась. Затем Карыгин взял ее за хвост, раскрутил над головой и бросил как можно дальше. «Представление окончено», – крикнул геолог, и все вернулись к стоянке. Семену было жалко змею: убили ни за что. В душе Розенталь осуждал геолога за жестокость, но из-за дочери решил смолчать. И все же спросил:

– А зачем убили кобру, она же уползала?

– Это опасная тварь могла бы приползти к нам ночью. Это самая опасная змея. От ее укуса никто не выживает. Хороших животных я так просто не убиваю.

На ужин опять ели вареный рис с изюмом, а после уснули.

Утро в пустыне – самое приятное время: еще не палит солнце. Едва Семен поднялся на ноги, все мышцы разом застонали. А когда сели завтракать – это были сухари с чаем, – Соат спросил:

– Семен Львович, вы сегодня не будете умываться?

– Лучше я песком умоюсь, – ответил Семен, и все рассмеялись.

Семен был благодарен этим людям, о которых вчера подумал плохо из-за убийства змеи.

На четвертый день пути Карыгин всех обрадовал:

– Возможно, сегодня дойдем до стоянки пастухов.

– Это там, где стоял поезд? – обрадовался Семен.

– Нет, с того места до железной дороги далеко. Примерно один день ходьбы. Пастух мог явиться к поезду только оттуда.

Столь радостная весть дала всем силы, и Семен думал только об одном: сегодня он увидит свою дочь. В этом у него не было сомнений: Леночка у пастухов. И от этой мысли он шел впереди всех, хотя временами Карыгин не раз говорил, что не надо спешить, ибо силы нужны на весь день. И все же Семен забывал об этом. Карыгин понимал его состояние.

К полудню Розенталь сильно устал, его качало. Соат тоже был утомлен, ведь он уже давно не ходил с овцами в степь. Пришлось геологу объявить отдых, и все вытянулись свои ноги на песке.

Через пять минут Соат стоял возле верблюда и разливал воду по кружкам из бурдюка. Карыгин подошел к нему и тихо сказал:

– Налей ему побольше, а то до вечера не дотянет, свалится.

– Не надо было так быстро ходить, не надо было его вперед пускать.

– Ладно, не ворчи. Когда станешь отцом, сам поймешь. Он уверен, что сегодня увидит дочь, он этим живет.

– Нам надо хорошенько отдохнуть. У нас есть жареное мясо, залитое жиром. Может, поедим?

– Согласен, от мяса я никогда не откажусь, – и Карыгин похлопал спутника по плечу, затем выпил свою порцию воды.

Соат дал инженеру полную кружку и сел рядом. Семен выпил разом, легко вздохнул и сказал, что готов идти дальше.

– Сидите, мы решили устроить обед и отдохнуть, иначе до стойбища не доберемся.

Разумеется, Семен догадался: эта задержка из-за него. Ему стало стыдно из-за своего бессилья, и он ударил кулаком по песку.

– Я должен идти впереди, а не плестись в хвосте, ведь там моя дочь, – нервно сказал Семен.

– Не переживайте. Мы тоже устали, всем нужен отдых. Скажу вам один секрет: в пустыне нельзя быстро ходить, иначе далеко не уйдешь. Вот верблюд, – и он показал на него рукой, – он ходит тихо, зато далеко.

В этот день они так и не дошли до пастухов. Все были расстроены, особенно Семен. Вечером даже не стали разжигать костер. Просто поужинали сухофруктами и сразу легли спать. Когда Соат укладывал оставшиеся продукты в сумку, в его голове мелькнула страшная мысль. Он подозвал Карыгина к верблюду и тихо спросил:

– А что если пастухи сменили свое стойбище и ушли в другое место?

– Всякое может быть, но два года назад Ибрагим-бобо, хозяин стойбища, был доволен колодцем. Будем надеяться, что они еще там.

Утро пятого дня началось вполне обычно, и лишь следы на песке говорили, что ночью их посетила необычная змея. Соат склонился над следом и сказал, что эту змею называют «Стрела». «Она тонкая, длинная и может лететь, как стрела, – пояснил он. – Наши люди говорят, она может сделать дырку в животе человека. Ее очень боятся, потому что от нее трудно убежать». Карыгин широко улыбнулся:

– Сказки это. Это змея сама убежит от человека. Меня она кусала за руку, и ничего. Вообще, азиаты про змей насочиняли такие невероятные истории, что теперь сами не поймут, где правда, а где вымысел. Этот малоизученный край для геологов и зоологов – настоящий клад для новых открытий. Ну что, в путь? Сегодня решающий день.

Минуло три часа, путники одолели очередной бархан и замерли на месте. Перед их взором возникла ровная площадка и на ней – четыре юрты темного цвета. Все обрадовались, улыбаясь друг другу, и лишь верблюд остался невозмутимым. Хотя, должно быть, и он радовался, ведь у колодца напьется воды вдоволь.

Когда до юрт осталось немного, им навстречу выбежали две огромные собаки, одна была черная, другая рыжая, лохматая.

Они громко лаяли, но на чужаков не бросались и шли рядом.

– Не обращайтесь на них внимания, тогда не укусят, – предупредил Соат.

На лай собак со всех юрт выбежали дети: остриженные, загорелые, в длинных штанишках. Девочки были со множеством косичек, а некоторые и вовсе остриженные наголо. Детвора с шумом устремилась навстречу гостям – чужие здесь в диковинку. Но стоило им разглядеть светлых людей, как они испугались и затихли. Дети шли впереди чужаков. Старший из них, лет десяти, заговорил с Соатом, признав в нем своего азиата. Правда ли, что эти светлые люди – русские? Малыши видели русских людей впервые и разглядывали их с любопытством. «Зачем они пришли сюда», – спрашивали дети у Соата, но тот молчал, потому что дети мусульман должны быть скромными со взрослыми, а не назойливыми. Впрочем, за него это сделал Карыгин, он заговорил на тюркском языке. Это потрясло детей: надо же, чужак владеет их языком. Где он научился?

С каждым шагом к юртам у Семена все сильнее билось сердце. Неужели он увидит свою дочь? Отец уже всматривался в темные проемы юрт и ждал: вот сейчас Леночка выбежит оттуда и с радостными криками бросится к нему. Но пока никого.

Из второй юрты вышел седой низенький старик. На нем был сине-черный полосатый халат и светлая шапочка, борода в виде клина. Карыгин узнал его: это был Ибрагим-бобо, глава большого семейства. Старик же не сразу признал геолога и встречал людей с улыбкой, ведь любой путник – гость. Таков обычай кочевников.

Женщины в длинных платьях до земли, в широких платках, собрались возле юрты Ибрагим-бобо и тихо обсуждали происходящее. Им тоже было интересно. Приход людей в пустыню – это огромное событие.

Поразительно, но жены кочевников не носили паранджу, хотя были мусульманками. Такое необычное явление для любознательного Семена осталось незамеченным. Он думал лишь об одном: почему среди них не видно Леночки, значит, они прячут ее. Где? И Розентало стало ясно: если ее похитили, то так просто не отдадут. Наблюдая за стариком, Семен задумался: «Чего он так улыбается? Должно быть, хитрит, хочет нас с толку сбить».

– Давно не было в наших краях геологов. А тебя я узнал, – сказал старик. – Мы очень рады, что нас не забывают, мы почитаем геологов – это самые умные люди, кого я видел в своей долгой жизни.

– Что говорит старик? – не выдержал Семен и спросил у милиционера.

Соат перевел его слова. Но Семен был так напряжен, что не желал их слушать ни одной минуты и начать поиски в юртах. К чему эти восточные любезности? Карыгин же думал иначе и не спешил:

– Почтенный отец, я рад, что вы помните, как два года назад мы искали здесь золото.

– О, золото, золото! Вы опять будете искать золото?

– Нет, у нас другое дело. Сейчас мы работаем в другом районе, это Чуст, наверное, слышали о таких местах?

– Доводилось, хотя сам не бывал там.

Старик жестом пригласил гостей в свою темную юрту, где оказалось не так жарко. Ибрагим-бобо усадил путников на мягкие одеяла и затем что-то крикнул молодой невестке, которая у входа ждала его указаний. Та тотчас скрылась, и ее место заняла любопытная детвора. Они знали, что эти геологи бывали в огромных городах и видели всякие чудеса. Однако дед был к ним строг, что-то вскрикнул, и те разом исчезли.

Семен спросил у геолога:

– Чего мы ждем, почему вы не спрашиваете о моей дочери?

– Семен, не торопитесь, по азиатским обычаям о делах сразу не говорят. И запомните: в пустыне они хозяева.

– Мне наплевать на их обычаи, я шел сюда не в гости.

Карыгин не ответил и снова завел беседу с хозяином. Хотя старик не знал русских слов, но все же насторожился. Между ними нет согласия. Что стряслось? Соат был вежлив, словно ничего особого не случилось.

Вскоре Семен успокоился. Все-таки жизнь его Леночки в руках этих людей. Ему надо проявить терпение, иначе он может испортить дело. И пока велась беседа, Семен стал разглядывать внутреннее устройство юрты. Его купол был обтянут плотным войлоком, а стены увешаны цветным сюзане. На восточных узорах изображали цветы, солнце, перец – древние символы, имеющие магический смысл. К примеру, перец отгоняет злых духов и оберегает жильё. Об этом он узнал в самаркандском музее. Но сейчас со своим горем Семен был равнодушен к азиатской экзотике. А как же иначе, ведь в эти минуты где-то рядом в заточении сидит его дочь. От отчаяния Семен уперся взглядом в темный угол, между стеной и сложенными одеялами, и там заметил старуху. В темном одеянии она казалась невидимой, и лишь на голове – белый женский тюрбан. Своим морщинистым лицом она разглядывала гостей.

Тут в юрту вошла невестка с медным подносом. Голова ее была опущена, чтобы не глядеть на чужих мужчин – это неприлично. Выложив на дастархан стопку лепешек и керамическую чашу с кислым молоком, невестка попятилась назад в той же позе, не смея обернуться спиной к гостям. Уже снаружи она осталась стоять в ожидания иных приказов. Столь унижительное поведение женщины поразило Семена. Другие же мужчины даже не заметили ее.

С шумом хозяин отпил из чаши три больших глотка и вручил ее гостю, сидящему рядом. Карыгин сделал то же самое и протянул ее Семену, который уже знал, что кислое молоко хорошо утоляет жажду. Однако отцу девочки совсем непросто было принять пищу от людей, которые могут оказаться его врагами. Да и подобная «любезность» – пить из общей посуды – вызывала брезгливое чувство.

– Семен, пейте, всему свое время, – настоял геолог.

Между тем старик разломал лепешку и разложил ее перед гостями.

Семен лишь коснулся губами и передал чашу Соату, а тот сказал по-русски:

– Я понимаю вас, но не стоит заранее думать плохо о хозяине, а может, это сделали не его люди.

– А где его сыновья, почему не видно других мужчин?

– Должно быть, пасут свои стада.

Тут Ибрагим-бобо известил гостей, что шурпа скоро будет готова, и просил их слегка потерпеть: «Наши гости шли сюда долго, и им надобно хорошенько поесть и отдохнуть. А пока утолите голод лепешкой и чаем».

Все стали макать кусочки хлеба в горячий чай. В эти минуты Соат заговорил о своем деле:

– Почтенный отец, мы не геологи, хотя среди нас есть один такой. Мы явились сюда по другому делу. Я милиционер из Кизляра, если хотите, могу показать свой документ с фотографией. А вот этот человек – зовут его Семен – он из Москвы. Хотя молод, но уже стал большим начальником на заводе, почти хозяин всего. С ним случилось несчастье. Наш гость возвращался домой на поезде и в пути утерял свою десятилетнюю дочь, когда их поезд встал недалеко от вашего стойбища.

Семен уже догадался, что речь идет о нем, и стал пристально наблюдать за стариком. Его могли выдать беспокойные глаза, если в этом деле замешана его родня. Но лицо Ибрагим-бобо лишь сделалось серьезным.

А Соат все продолжал:

– Во время ремонта к поезду прискакал молодой чабан, лет восемнадцати, а может, старше. Вот этого чабана-то мы ищем. Он украл девочку. Может, это был кто-нибудь из ваших сыновей или внуков?

Лицо старика не изменилось, он мотнул головой:

– Нет, мы живем далеко от железной дороги и туда не ходим.

– И все же ближе вас здесь никого нет.

– Да, верно говоришь, сынок, и все же в такую даль мы не ходим. Мы пасем скот на другой стороне от дороги.

– У вас имеется сын или внук лет восемнадцати?

– Есть такой внук, но подобными глупостями не занимается. Сейчас он с отцом пасет баранов. Все наши мужчины в пустыне.

– Когда ваш внук вернется?

– Должно быть, сегодня вечером, а может, и завтра.

– Нам бы поговорить с ним, может быть, ему что-либо известно об этом деле.

– Вы мои гости, так что отдохайте, ешьте, а вечером увидите с ним.

Ничего не поняв, Семен не выдержал:

– О чем говорит старик?

– Говорит, что ничего не знает. А его внук будет сегодня вечером или завтра.

– Зачем ждать? – в недоумении воскликнул Розенталь. – Возможно, моя дочь здесь, в какой-нибудь юрте, а мы надеемся, что придет юноша и расскажет, как он украл девочку, да еще покажет, место, где ее прячут? Это смешно.

– Семен прав, – поддержал гостя Карыгин. – Если девочка здесь, то кочевники добровольно не отдадут ее. Надо произвести обыск и как можно быстрее, пока не вернулись их мужчины. Если найдем девочку, то быстро унесем отсюда ноги.

Милиционер же был против:

– Будет лучше, если все-такиждемся юношу и все выясним – а вдруг это не он? Иначе они сильно обидятся.

– Ах, вот о чем ты печешься! – усмехнулся геолог. – Когда ваша милиция арестовала безвинного Юлия Августовича, то вы ни о каком приличии не думали, даже руки ему вывернули, будто бандиту.

– Зачем вы такое говорите, в том деле нет моей вины. Из-за этого я хотел уйти из милиции, но меня непустили, – жалобно ответил Соат и опустил голову, как провинившийся мальчишка.

В юрте воцарилась гнетущая тишина. Ибрагим-бобо не мог понять, о чем спорят гости. Вскоре сам Карыгин разрядил напряженную обстановку:

– Ну ладно, не обижайся, у меня это от обиды выскочило. Я знаю, ты не виноват, это все Кириллов. Давайте ближе к делу. Соат, чтобы старик не обиделся, объясни ему: мол, ты лично против обыска, но если этого не сделаешь, то тебя выгонят со службы.

Тогда милиционер рассказал старику об обыске. Ибрагим-бобо стал громко говорить, что нет здесь никакой девочки: «Да и зачем нам ваша русская девочка, вон своих сколько. Вот, дожил я до такого позора, что мой род подозревают в воровстве. Почему не веришь мне, ведь мы мусульмане». Соату стало неловко перед седобородым стариком, и все же, почему хозяин так упорствует? Да, это унижительно, но если никого тут нет, то все обвинения будут сняты. И вот тут в душе Соата закралось подозрение. «А что, если старик тянет время, чтобы спрятать девочку в более надежное место, ведь мы явились сюда внезапно?» Соат решил быть твердым.

В этот час в юрту зашла невестка с подносом и опустила его перед дастарханом. В касушках красовались большие куски мяса и наваристый бульон. Вмиг юрта наполнилась ароматным запахом мяса.

– Угощайтесь, гости, работа будет потом, – сказал хозяин.

Но милиционер, извиняясь перед стариком, ответил, что его служба прежде всего, таков порядок в органах.

– Э-э-э, разве так можно, ты же мусульманин, надо уважать наши обычаи. Что за молодежь пошла!

На это ответил геолог:

– Извините, отец, в другой раз мы обязательно посидим. Но не в этот раз. Вы старый, мудрый человек и должны понять, как тяжело нашему гостю из Москвы.

Все вышли из юрты и опять очутились в пекле.

Семен предложил начать с опроса детей. Они-то непременно скажут, если хоть раз видели такую девочку. Соат выразил сомнение: если взрослые предупредили их, то они будут хранить молчание.

– А мы их соблазним вот этим, – и Карыгин достал из кармана медные монеты, пятаки и трешки.

Они подошли к детям, которые уже не боялись чужаков. Хозяин стойбища остался у своей юрты. Вокруг старика сразу собрались женщины с расспросами.

Первым делом Соат завел знакомства с детьми. Для этого он пожал каждому руку и похвалил, словно старые приятели. Тогда дети сразу почувствовали в нем своего и забросали разными вопросами. И лишь погодя милиционер обратился к ним с вопросом: кто видел здесь светловолосую девочку? И сразу добавил: «Кто даст верный ответ, тот получит вот эту денежку». Соат даже дал им потрогать монету, и от восхищения глаза детей загорелись. Каждому хотелось иметь такую вещь, ведь на нее в поселке можно купить сладости.

– Ну, кто видел светлую девочку, похожую на вот этих русских?

Лица детей стали напряженными: все задумались. Однако они молчали. Стало ясно: дети не видели здесь Леночку. Первая неудача сильно расстроила Семена, и в его душе зародились сомнения.

Далее следовало опросить женщин. Когда приблизились к ним, разговоры кочевниц стихли. Они стыдились чужих мужчин, и свои глаза держали опущенными, словно разглядывали песок на земле. Им уже все было известно, и милиционер задал вопрос прямо: что им известно о русской девочке? Однако женщины говорили одно и то же: они не видели эту девочку. На это Карыгин усмехнулся:

– Этого и следовало ожидать. Разве они скажут правду? Если жены проболтаются, то мужа убьют их. Нужно самим искать и не тратить время на эти формальности. Давайте обыщем их жилища!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.